

ПОДАРОКЪ
НА
НОВЫЙ ГОДЪ.

ДВѢ СКАЗКИ ГОФМАНА
для большихъ и маленькихъ дѣтей.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

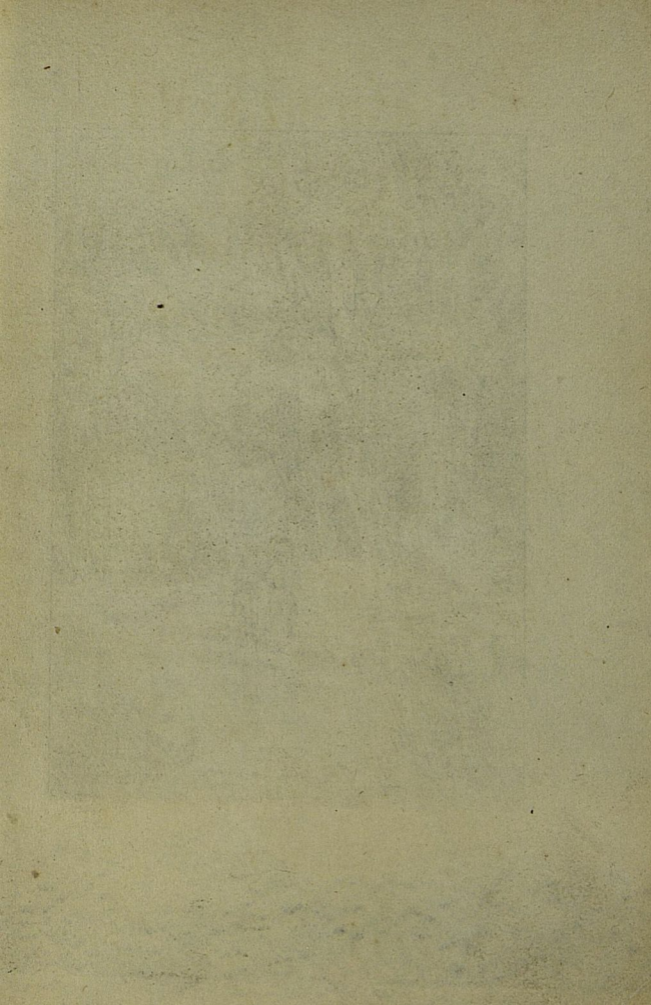
1840.

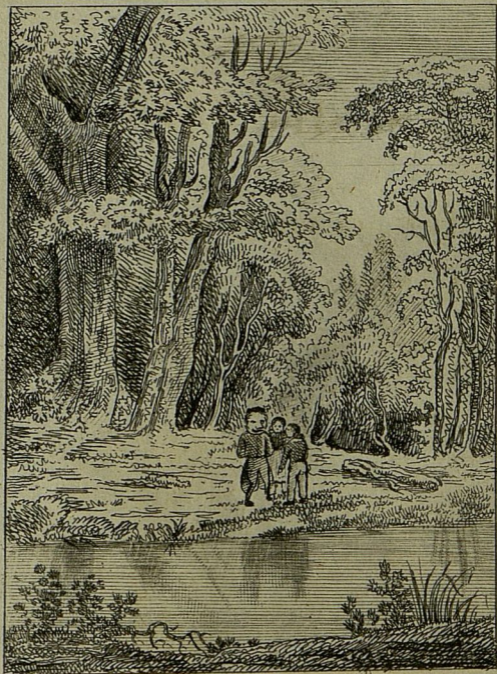
0111
гет.необ.

Ду.чист.Стр.вас.

16. + 50.1111.

Стр201-70рн.

ПОДАРОКЪ
НА
НОВЫЙ ГОДЪ.

ДВѢ СКАЗКИ ГОФМАНА

ДЛЯ БОЛЬШИХЪ И МАЛЕНЬКИХЪ ДѢШЕЙ.

1840.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Дик
Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

1394684

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
I. Неизвѣстное дитя	1.
II. Грызунъ орѣховъ и царекъ мышей	139.

Издатель Н. Яковлевъ.

Въ Типографіи А. Смирнова.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 1-го Декабря 1839 года.

Цензоръ В. Ланзеръ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЫЧЕВА.

НЕИЗВѢСТНОЕ ДИТЯ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

НЕИЗВѢСТНОЕ ДИТЯ.

Г. БРАКЕЛЬ БРАКЕЛЬГЕЙМЪ.

Былъ нѣкогда дворянинъ, по имени Тадеусъ Бракель. Онъ жилъ въ маленькой деревушкѣ Бракельгеймъ, которая досталась ему послѣ отца его Бракеля, и потому была его собственностію. Четыре крестьянина этой деревушки величали его господиномъ, хотя онъ носилъ такую же простую одежду, какъ они, и только по воскресеньямъ, ког-

да отпраплялся со своею женою и двумя дѣтьми, Феликсомъ и Кристлибою, въ сосѣднюю большую деревню въ церковь, надѣвалъ онъ вмѣсто своего камзола изъ грубаго сукна, красное зеленое платье и красный жилетъ, обшитый золотыми галунами, что къ нему очень шло. Когда этихъ же самыхъ крестьянъ спрашивали: — «Какъ пройти къ г. Бракелю?» то они обыкновенно отвѣчали: — «Идите все прямо черезъ деревню на холмъ, до того мѣста, гдѣ стоятъ березы; тамъ увидите замокъ нашего господина.»

Всякій конечно знаетъ, что

замокъ есть большое зданіе со многими окнами и дверями, часто даже съ башнями и блестящими флюгерами. Но ничего похожаго не было видно на холмѣ, гдѣ стояли березы. Тамъ былъ только одинъ низенькій домикъ, со многими окошками, такими маленькими, что ихъ нельзя было разсмотрѣть иначе, какъ подойдя близко къ нимъ. Но если мы остановимся предъ высокими воротами большаго замка, то холодный вѣтеръ, вырывающійся оттуда, охватываетъ насъ; мрачные взоры чудныхъ фигуръ, прислоненныхъ къ стѣнамъ, какъ бы

для охраненія входа, поражаютъ насъ; мы теряемъ охоту войти туда, и предпочитаемъ воротиться. Совершенно противоположно чувствуешь при входѣ въ маленькій домикъ г. Тадеуса Бракеля. Еще въ рощѣ, стройныя березы простирали свои зеленныя вѣтви, какъ будто желая обнять васъ, и привѣтствовали своимъ веселымъ шелестомъ; предъ домомъ же вамъ казалось, что пріятные голоса приглашали васъ изъ свѣтлыхъ какъ зеркало окошекъ; а изъ темной, густой зелени винограда, который покрывалъ стѣны до самой крыши,

слышно было: — «Войди, войди, милый, усталый путешественникъ; все здѣсь хорошо и гостепріимно!» Тоже самое подтверждали своимъ веселымъ щебетаніемъ ласточки, то влетая въ свои гнѣзда, то вылетая изъ нихъ; — а старый и важный аистъ, смотря на васъ съ серьезнымъ и умнымъ видомъ съ вершины трубы, кажется говорилъ: — «Давно живу я здѣсь лѣтомъ, но лучшаго мѣста не находилъ нигдѣ, и если бъ я могъ преодолѣть врожденную страсть свою къ путешествіямъ, и еслибы зимою не было здѣсь такъ холодно, а дрова такъ дороги,

то я не тронулся бы съ этого мѣста.»

Такъ хороше и такъ пріятно было жилище г. Бракеля, хотя оно и не было замокъ.

ВАЖНЫЕ ГОСТИ.

Въ одно утро г-жа Бракель встала очень рано, и пекла пирогъ, въ который она положила миндалю и изюму гораздо болѣе, нежели въ пирогъ, который печется къ Пасхѣ; отъ чего онъ удался гораздо лучше послѣдняго. Между тѣмъ г. Бракель выколачивалъ и чистилъ свой зеленый

кафтанъ и красный камзолъ; а Феликсъ и Кристлиба надѣвали свое лучшее платье. Г. Бракель говорилъ своимъ дѣтямъ: «Сегодня вамъ нельзя будетъ, какъ обыкновенно, бѣгать въ лѣсъ; но нужно спокойно сидѣть дома, для того чтобъ быть чистыми къ прїѣзду вашего дядюшки.» Солнце взошло, и ярко свѣтило въ окна; въ роуцѣ носился утренній вѣтерокъ; зяблики, щегленки и соловьи распѣвали хоромъ веселыя пѣсни. Кристлиба сидя молча и задумавшись передъ столомъ, то поправляла красные банты своего платица, то старалась при-

лѣжно вязать, что ей совсѣмъ не удавалось въ этотъ день. Феликсъ, которому отецъ далъ хорошенькую книжку съ картинками, смотрѣлъ чрезъ книгу въ березовую рошу, гдѣ онъ могъ обыкновенно каждое утро нѣсколько часовъ бѣгать, какъ ему было угодно. «Ахъ, какъ тамъ хорошо!» говорилъ онъ про себя вздыхая; но когда большая дворовая собака Султанъ, съ крикомъ и лаемъ начала прыгать предъ окошкомъ, побѣжала по дорогѣ въ лѣсъ, потомъ возвратясь, снова начала лаять, какъ будто желая сказать маленькому Феликсу: «За чѣмъ не

идешь ты въ лѣсъ? Что ты тамъ дѣлаешь въ душевной комнатѣ?» — Феликсъ не выдержалъ. «Ахъ! милая маминька,» вскричалъ онъ, «пожалуста позвольте мнѣ, немножко побѣгать.» Но г-жа Бракель отвѣчала: «Нѣтъ, нѣтъ, оставайся дома; я знаю что изъ этаго бываетъ: только что ты выбѣжишь, и Кристлиба захочетъ за тобой; а тамъ и пошли по кустамъ, по терновнику, по деревьямъ, и придете домой въ поту, въ грязи; тогда дядюшка скажетъ: «Что это за гадкіе крестьянскіе ребяташки? Бракели, ни маленькіе, ни большіе не должны

быть такими. «Феликсъ захопнулъ отъ нетерпѣнія книжку съ картинками, и сказалъ въ полголоса со слезами:» Если нашъ любезный дядюшка, называетъ крестьянскихъ дѣтей гадкими, то онъ вѣрно не видалъ, ни Петра Фольрада, ни Анны - Лизы Гентшель, ни другихъ дѣтей изъ нашей деревни; я не знаю могутъ ли быть дѣти лучше этихъ. «Конечно» вскричала Кристлиба, какъ бы проснувшись, «а Маргарита, дочь деревенскаго судьи, развѣ не хороша, хотя у нея и нѣтъ такихъ чудесныхъ красныхъ бантовъ, какъ у меня? «Не

толкуйте такого вздора,» закричала мать, «начиная сердиться, вы не понимаете того, что дядюшка хочет сказать.» Но всѣ ихъ просьбы были напрасны: они принуждены были остаться дома, и это было имъ тѣмъ мучительнѣе, что отличный пирогъ, стоявшій на столѣ, распространялъ по комнатѣ пріятнѣйшій запахъ, и не могъ быть почать до пріѣзда дяди. «Ахъ! хоть бы онъ поскорѣе пріѣхалъ,» говорили бѣдные дѣти, и почти плакали отъ нетерпѣнія. Наконецъ послышался сильный конскій топоть; къ дому подъѣхала ка-

рета, столь богатоукрашенная золотомъ, что дѣти пришли въ величайшее удивленіе, потому что они такой никогда не видали. Высокій, сухой человекъ, опираясь на егеря, который отворилъ дверцы, вышелъ изъ кареты въ объятія г. Бракеля; онъ тихонько приложилъ свои щеки къ его щекамъ, и тихо сказалъ ему: «Bonjour, любезный братъ, только пожалуста безъ церемоній.» Между тѣмъ егерь ловко высадилъ еще изъ кареты низенькую толстую даму съ очень красными щеками, и двухъ дѣтей, мальчѣнка и дѣвочку. Тогда Феликсъ

и Крестлиба сдѣлали то, чему научили ихъ отецъ и мать. Они подошли къ высокому человѣку, взяли его руки и цѣлуя ихъ сказали: «Добро пожаловать любезный дядюшка!» потомъ они сдѣлали то же самое съ низенькою дамою, и сказали ей: «Добро пожаловать любезная тетинька.» Послѣ того, подошли они къ дѣтямъ, и остановились отъ удивленія, потому что никогда не видали такихъ дѣтей. На мальчикѣ были длинныя панталоны и красная суконная курточка, вся обшитая золотыми снурками и галунами; маленькая блестящая

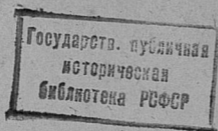
сабля висѣла съ боку, на головѣ у него была красная шапочка съ бѣлымъ перомъ; подъ нею находилось его блѣдное, желтое лице и невеселые, заспаные глаза, которые робко смотрѣли около себя. Платье дѣвочки, такое же бѣлое какъ у Кристлибы, было украшено безчисленнымъ множествомъ лентъ и кружевъ. Волосы ея были страннымъ образомъ заплетены въ косички и собраны вверху, гдѣ блестяла маленькая корона. Кристлиба старалась ободриться, и хотѣла взять дѣвочку за руку, но та отдернула ее, и сдѣлала такое скучное

и плаксивое лице, что Кристлиба очень испугалась, и отошла отъ нее. Феликсъ со своей стороны хотѣлъ по ближе раземотрѣть красивую саблю мальчика, и взялся было за нее; но тотъ началъ кричать: «Моя сабля, моя сабля! онъ хочетъ отнять мою саблю;» вмѣстѣ съ тѣмъ бросился онъ къ сухому человѣку, и спрятался за нимъ. Феликсъ весь покраснѣлъ и сказалъ съ досадою: «Мнѣ не нужно твоей сабли, маленькій глупецъ.» Послѣднія слова, онъ сказалъ сквозь зубы; но г. Бракель все слышалъ, и казался очень смущеннымъ; онъ разстегивалъ и застегивалъ

валь свой камзолъ, и говори-
рилъ: «Эхъ, Феликсъ!» Тол-
стая дама говорила: «Адель-
гунда, Германъ, дѣти вамъ
ничего не сдѣлають: не бой-
тесь же!» Но сухой господинъ
бормоталъ: «Они ужъ позна-
комятся,» взялъ г-жу Бра-
кель подъ руку, и повелъ ее
въ домъ. Г. Бракель слѣдо-
валъ за ними съ толстою да-
мою; за платье ея держались
Адельгунда и Германъ; Крис-
тлиба и Феликсъ шли сзади.

«Теперь почнуть пирогъ»
шепталъ Феликсъ на ухо се-
стрѣ. «Ахъ! да, да!» отвѣчала
та весело. «А потомъ мы по-
бѣжимъ въ лѣсъ,» продол-

жалъ Феликсъ. «Какое намъ дѣло до этихъ чучелокъ,» прибавила Кристлиба. Феликсъ вспрыгнулъ, и они вошли въ комнату. Адельгунда и Германъ не могли ѣсть пирога, потому что по словамъ ихъ родителей, это было имъ вредно. Имъ дали по сухарю, которые были вынуты изъ коробки, принесенной егеремъ, Феликсъ и Кристлиба прилѣжно работали за большимъ кускомъ пирога, который имъ дала ихъ добрая мать, и были очень веселы.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ДАЛБЕ ПРИ ТОМЪ
ПОСЪЩЕНИИ.

Хотя сухой господиень, по имени Киприанъ Бракель, и былъ дѣйствительно двоюродный братъ г. Тадеуса Бракеля; но былъ гораздо его знатнѣе. Кромѣ того, что онъ имѣлъ графскій титулъ, носилъ онъ на каждомъ своемъ платьѣ, и даже на пудромантелѣ большую серебряную звѣзду. По этому когда онъ за годъ предъ тѣмъ, заѣхалъ одинъ безъ толстой дамы, которая была его жена, и безъ дѣтей, на короткое время къ своему

двоюродному брату г. Тадеусу Бракелю, Феликсъ спросилъ его: «Послушай, любезный дядюшка, ты вѣрно сдѣлался королемъ.» Феликсъ видѣлъ въ своей книжкѣ съ картинками короля, у котораго была на груди такая же звѣзда, отъ того онъ и думалъ, что дядя его сдѣлался тоже королемъ, потому что носилъ этотъ знакъ. Дядя тогда очень смѣялся надъ этимъ вопросомъ, и отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой милый, я не король; но самый вѣрный слуга короля, и его министръ, который управляетъ многими людьми. Если бы ты былъ изъ роду графовъ

Бракелей, то также могъ бы со временемъ имѣть такую звѣзду; но ты только простой дворянинъ, который никогда не будетъ знатнымъ человѣкомъ.» Феликсъ ничего не понялъ, что говорилъ дядя; а Тадеусъ Бракель и не почиталъ этого нужнымъ. Въ это время дядя началъ рассказывать своей толстой женѣ, какъ Феликсъ принялъ его за короля, и она вскричала: «О милая невинность!» Феликсъ и Кристлиба принуждены были выдти изъ своего угла, гдѣ они смѣялись и кушали пирогъ. Мать стерла съ ихъ губъ крошки пирога и остатки

изюма, и представила ихъ дя-
дюшкѣ и тетушкѣ, которые
вскричали: «О, милая при-
рода! о, сельская невинность!»
поцѣловали ихъ, и дали каж-
дому по свертку. У г. Тадеуса
Бракея и его жены навер-
нулись на глазахъ слезы отъ
доброты ихъ знатныхъ род-
ственниковъ. Между тѣмъ,
Феликсъ открылъ свертокъ и
увидѣвъ тамъ конфеты, при-
нялся тотчасъ ихъ ѣсть, чему
последовала и Кристлиба. —
«Миленькій, миленькій, кри-
чалъ дядя, «что ты дѣлаешь,
ты испортишь себѣ зубы! на-
добно держать сахаръ во рту
пока онъ растаетъ.» На это

Феликсъ почти расхохотался, и сказалъ: «Ахъ, дядюшка, дядюшка! развѣ я ребенокъ, и развѣ у меня такіе слабые зубы.» И съ тѣмъ вмѣстѣ, принялся онъ ѣсть конфекты отличнымъ образомъ. «О, милая простота!» говорила толстая дама; дядя говорилъ то же; но у г. Тадеуса Бракеля проступалъ на лбу холодный потъ: онъ стыдился неучтивости Феликса, которому мать шептала на ухо: «Не скрипи такъ зубами, негодный мальчишка.» Бѣдный Феликсъ, совершенно смутившись, медленно вынулъ конфекту изо рта, и положилъ ее снова въ

трубку, которую отдалъ дядѣ, говоря: «Возьми назадъ свой сахаръ, мнѣ его не надобно, потому что я не могу его ѣсть. Крестлиба, привыкшая во всемъ подражать своему брату, сдѣлала то же самое. Этого бѣдный Тадеусъ не могъ перенести: «Ахъ! почтенный братецъ,» сказалъ онъ «простите глушости этаго мальчика. Въ деревнѣ, въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.... Ахъ! если бы мои дѣти были также хорошо воспитаны, какъ ваши!» Графъ Кирианъ, самодовольно и важно улыбнулся, взглянувъ на Адельгунду и Германа. Они давно

съѣли свои сухари, и спокойно сидѣли на стульяхъ, не шевелясь, и не измѣняясь въ лицѣ. Толстая дама также улыбулась, говоря: «Да, любезный братецъ, мы болѣе всего заботимся о воспитаніи нашихъ дѣтей.» Она дала знакъ графу Кипріану, который тотчасъ обратился къ Герману и Адельгундѣ, и сдѣлалъ имъ нѣсколько разныхъ вопросовъ, на которые они очень скоро отвѣчали. Онъ спрашивалъ ихъ о многихъ городахъ, рѣкахъ и горахъ, которые находились за нѣсколько тысячъ миль, и имѣли престранныя названія. Они умѣли описать

видѣ животныхъ, которыя жили далеко, въ дикихъ лѣсахъ. Потомъ рассказывали объ иностранныхъ кустахъ, деревьяхъ и плодахъ, такъ какъ будто бы сами ихъ видѣли и ѣли ихъ плоды. Германъ рассказалъ съ большою точностію, что происходило назадъ тому лѣтъ триста въ одномъ большомъ сраженіи, и умѣлъ назвать по имени всѣхъ бывшихъ тамъ генераловъ. Наконецъ Адельгунда говорила даже о звѣздахъ, и утверждала, что на небѣ находятся различныя странныя животныя и другія фигуры. Отъ этихъ рассказовъ Феликсу сдѣла-

лось страшно; онъ подошелъ къ г-жѣ Бракель и тихонько спросилъ ее: «Ахъ! маменька, объ чемъ это они болтаютъ?» «Молчи, глупый мальчикъ,» сказала ему мать, «это науки.» Феликсъ замолчалъ. «Это удивительно! это неслыханно! въ такомъ нѣжномъ возрастѣ!» повторялъ безпрестанно г. Бракель, но г-жа Бракель вздыхала и говорила: «Боже милосердый! что это за Ангелы! что будетъ съ нашими дѣтьми въ этой пустынь?» Но когда г. Бракель началъ жаловаться подобно жень, то графъ Киприанъ успокоилъ обоихъ, обѣщавъ въ

скоромъ времени прислать къ нимъ ученаго человѣка, который будетъ учить дѣтей ихъ даромъ.

Между тѣмъ щегольская карета была подана. Егеръ вынулъ изъ нее два большіе ящика, которые взяла Адельгунда и Германъ и подали Кристлибъ и Феликсу. «Любите ли вы игрушки, mon cher!» такъ говорилъ Германъ, ловко кланаясь: «я вамъ привезъ самыхъ лучшихъ.» Феликсъ, стоялъ повѣся голову; онъ былъ скученъ, самъ не зная отъ чего. Онъ машинально держалъ ящикъ и бормоталъ: «Я называюсь Феликсъ, а не

mon cher, и мнѣ говорить: ты, а не: вы.» Кристлиба, также была скорѣе готова плакать, нежели смѣяться, несмотря на то, что пріятный запахъ конфектъ выходилъ изъ ящика, который ей дала Аделгунда.

У дверей, прыгала и лаяла, по обыкновенію собака Султанъ, вѣрный другъ и любимецъ Феликса; но Германъ такъ испугался собаки, что побѣжалъ назадъ въ комнату и началъ громко плакать. «Онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ,» сказалъ Феликсъ, за чѣмъ ты такъ кричишь и плачешь? это просто собака, а ты видишь самыхъ страшныхъ звѣрей?

Да если бы онъ и бросился на тебя, у тебя есть сабля?» — Но слова Феликса были напрасны: Германъ не переставалъ кричать, пока егеръ не взялъ его на руки, и не посадилъ въ карету. Адельгунда, испугавшись, или по другой какой причинѣ, тоже начала сильно плакать: это такъ тронуло бѣдную Кристлибу, что и она расплакалась. Такимъ образомъ, посреди этаго крика и слезъ троихъ дѣтей, графъ Кипріанъ Бракель уѣхалъ изъ Бракельгейма, и тѣмъ кончилось важное посѣщеніе.

НОВЫЯ ИГРУШКИ.

Только что карета, въ которой сидѣлъ Кирианъ Бракель со своимъ семействомъ, спустилась съ холма, г. Тадеусъ сбросивъ съ себя зеленое платье и красный жилетъ, поспѣшно надѣлъ свой камзолъ изъ грубаго сукна, и свободно вздохнувъ, вскричалъ: «Ну, слава Богу, уѣхали.» Дѣти тоже спѣшили снять свои праздничныя платья, и чувствовали себя веселѣе и легче. «Въ лѣсъ, въ лѣсъ,» вскричалъ Феликсъ, дѣлая высокія прыжки. «Развѣ вы не

хотите прежде посмотреть, что привезли вамъ Германъ и Адельгунда?» говорила мать. Кристлиба, еще раздвываясь, съ любопытствомъ поглядывала на ящикъ, говоря, что это нужно сдѣлать тотъ часъ потому, что будетъ довольно времени набѣгаться въ лѣсу и послѣ. Но Феликса трудно было увѣрить; онъ говорилъ: «Что могъ привезти намъ хорошаго этотъ глухой мальчикъ со своею сестрою въ лентяхъ? что же касается до наукъ, то объ нихъ онъ хорошо болтаетъ; онъ толкуеть о львахъ и медвѣдяхъ; знаетъ какъ ловить слоновъ; а самъ боится

моего Султана! у него висить съ боку сабля, а онъ плачетъ, кричитъ и прячется подъ столъ. Славный же изъ него будетъ егеръ!» «Ахъ! любезный Феликсъ, позволь мнѣ на минутку открыть ящикъ» просила Кристлиба, и какъ Феликсъ ни въ чемъ ей не отказывалъ, то онъ оставилъ свое намѣреніе бѣгать въ лѣсу, и спокойно помѣстился со своею сестрою передъ столомъ, на которомъ стояли ящики. Они были открыты матерью. О, любезные читатели! вы вѣроятно испытали ту же радость во время Рождества или Святой Недѣли; вы

тоже получали подарки отъ своихъ родителей или друзей. Вспомните, какъ вы прыгали отъ радости, когда видѣли предъ собою блестящихъ солдатъ, маленькихъ музыкантовъ, нарядныхъ куколъ, прекрасную посуду, чудесныя, красивыя книжки съ картинками. То же самое удовольствіе, которое вы тогда чувствовали, испытали теперь Феликсъ и Кристлиба, потому что въ ящикахъ находилось цѣлое собраніе прекраснѣйшихъ игрушекъ и множество разнаго лакомства. — «Ахъ, какъ это хорошо!» вскричали дѣти. Но вскорѣ Феликсъ

съ презрѣніемъ оттолкнулъ въ сторону свертокъ съ конфектами. Кристлиба просила, чтобъ онъ невыкидываль конфектъ изъ окошка, какъ онъ былъ намѣренъ едѣлатъ. Онъ открылъ свертокъ, и бросилъ нѣсколько конфектъ Султану, который въ то время прокрался въ комнату. Султанъ понюхаль ихъ, и отошелъ съ отвращеніемъ. «Видишь-ли Кристлиба,» вскричалъ Феликсъ торжествуя, «даже Султанъ не хочетъ ѣсть эту дрянъ.» Впрочемъ изъ всѣхъ игрушекъ, Феликсу болѣе всего понравился охотникъ, который прицѣливался ружьемъ, когда

дергали его за маленькій
шнурокъ, спрятанный подъ
платьемъ, и стрѣлялъ въ цѣль,
которая придѣлана была въ
нѣсколькихъ вершкахъ отъ
него; послѣ егеря, явился
еще маленькій человѣчекъ,
который умѣлъ кланяться и
бренчать на арфѣ, когда вер-
тели пружину; но болѣе все-
го были ему по сердцу ружье
и охотничій ножъ, сдѣланные
изъ дерева и высеребренные,
и гусарскій киверъ съ таш-
кою. Кристлибъ явилась
очень нарядная кукла и хо-
рошенькая полная домашняя
посуда. Дѣти забыли и лѣсъ
и лугъ, и забавлялись игруш-

ками до позднего вечера: тогда пошли они спать.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ ЛѢСУ СЪ НОВЫМИ ИГРУШКАМИ.

На другой день по утру, дѣти снова принялись за то, что оставили наканунѣ: то есть они взяли свои ящички, разложили игрушки, и забавлялись различнымъ образомъ. Солнце было свѣтло и весело, какъ наканунѣ; деревья, колеблемые утреннимъ вѣтеркомъ, тихо шумѣли; зяблицъ, щегленокъ и соловей пѣли

веселыя пѣсни. Вдругъ Феликсъ, играя своимъ егеремъ, маленькимъ человѣчкомъ, ружьемъ и патронташемъ, почувствовалъ какую-то тоску на сердцѣ: «Ахъ!» сказалъ онъ, «тамъ гораздо лучше! пойдѣмъ Кристлиба, пойдѣмъ играть въ лѣсъ!».... Кристлиба, только что раздѣла свою большую куклу, и собиралась уже снова ее одѣвать: это очень ее забавляло, и потому она не хотѣла идти: «Любезный Феликсъ,» сказала она, «нельзя ли намъ еще немножко поиграть здѣсь?»

«Да знаешь ли, Кристлиба?»

отвѣчалъ Феликсъ, «мы возьмемъ съ собою свои лучшія игрушки. Я привѣшу съ боку своей охотничій ножъ; возьму ружье на плечо, и буду похожъ на егеря. Я также возьму съ собою маленькаго охотника и музыканта; а ты, Кристлиба, можешь взять свою большую куклу и лучшую посуду. И такъ пойдемъ!» Кристлиба проворно одѣла свою куклу, — и тогда дѣти отправились со своими игрушками въ лѣсъ, гдѣ они расположились на прекрасномъ зеленомъ лужкѣ.

Они забавлялись нѣсколько времени; Феликсъ заставлялъ

играть своего деревяннаго музыканта, когда Кристлиба сказала: «Знаешь ли, любезный Феликсъ, твой музыкантъ играетъ во все не хорошо: прислушайся, какъ это дурно раздастся въ лѣсу: тингъ! тингъ! пингъ! пингъ! — и все одно и то же. Съ какимъ любопытствомъ птицы смотрять изъ кустовъ; кажется, что онѣ смѣются надъ этимъ дряннымъ музыкантомъ, который хочетъ подражать ихъ пѣнію.» Феликсъ сильнѣе и сильнѣе вертѣлъ пружину; наконецъ онъ вскричалъ: «Это правда, Кристлиба! Точно скверно играетъ

этотъ маленькій негодяй; мнѣ стыдно передъ зябликомъ который такъ плутовски на меня смотреть. Но этотъ негодяй долженъ лучше играть.» Съ этими словами Феликсъ повернулъ такъ сильно пружину, что кракъ! кракъ! и весь ящикъ разлетѣлся въ дребезги; а у маленькаго человѣчка, который былъ сверху отлетѣли руки. «О! о!» вскричалъ Феликсъ. «Ахъ! арфистъ!» вскричала Кристлиба. Феликсъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ на изломанную игрушку; потомъ сказалъ: «Этотъ дуракъ, скверно игралъ, и дѣлалъ такія гримасы, какъ

мой двоюродный братъ Германъ.» Онъ бросилъ маленькаго человѣчка далеко отъ себя въ кустъ. «То ли дѣло мой егеръ,» сказалъ онъ послѣ, «тотъ всегда попадаетъ въ цѣль!» — Говоря это онъ заставлялъ его стрѣлять. Черезъ нѣсколько времени, Феликсъ возразилъ: «Однако жъ это скучно, что маленькій человѣчекъ стрѣляетъ всегда въ цѣль. Папенька говоритъ, что этого мало для охотника; тотъ долженъ стрѣлять въ лѣсу оленей, дикихъ козъ, зайцевъ, и попадать въ нихъ на всемъ бѣгу. Я не хочу, чтобъ онъ стрѣлялъ въ цѣль.»

Тогда Феликсъ разбилъ маленькую мишень, находившуюся передъ егеремъ. — «Теперь стрѣляй куда угодно!» вскричалъ онъ; но онъ напрасно дергалъ нитку, приводившую въ движеніе руки маленькаго егеря: онъ оставались въ одномъ положеніи; онъ болѣе не прицѣливался, и не спускалъ курка. «Ага!» сказалъ Феликсъ, «въ комнату ты хорошо попадаешь въ цѣль; а въ лѣсу, настоящемъ мѣстѣ для егеря, это тебѣ не удастся. Ты вѣрно тоже боишься собакъ, и еслибъ на тебя напала какая нибудь, то ты убѣждалъ бы со своимъ

ружьемъ, какъ маленькій двоюродный братъ со своею саблею! Ахъ ты дрянной егеръ, негодный егеръ!» Онъ бросилъ его въ кустъ вслѣдъ за арфистомъ. «Пойдемъ, побѣгаемъ немного» — сказалъ онъ Кристлибъ. «Ахъ, да! любезный Феликсъ,» отвѣчала та, «моя кукла тоже будетъ бѣгать съ нами; это будетъ очень весело!» Тогда Феликсъ и Кристлиба взяли за руки куклу, и пустились изо всѣхъ силъ сквозь кусты внизъ до самаго пруда, обросшаго высокимъ тростникомъ. Прудъ принадлежалъ также ко владѣнію г. Тадеуса Бракеля, и на немъ

онъ отъ времени до времени стрѣлялъ дикихъ утокъ. Тамъ дѣти остановились, и Феликсъ сказалъ: «Отдохнемъ здѣсь немного: со мною ружье; кто знаетъ не застрѣлю ли я утки, также хорошо, какъ батюшка?» Но въ то же самое время Кристлиба вскричала: «Ахъ! моя кукла! что сдѣлалось съ моею куклой!» Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная кукла имѣла прежалкій видъ. Ни Кристлиба, ни Феликсъ, бѣгая, не обращали на нее вниманія, и оттого платье ея было совершенно изорвано хвостомъ, а ножки сломаны. Отъ ея хорошенькаго восковаго лица, не

оставалось никакого слѣда: такъ оно было изуродовано. «Ахъ! моя кукла, моя прекрасная кукла!» повторяла Кристлиба со слезами. «Теперь ты видишь,» сказалъ ей Феликсъ, «какія дрянныя вещи, привезли намъ эти дѣти. Какая глупая кукла! она не можетъ даже съ нами бѣгать, не разорвавши, и не изломавши всего! Подай ка ее сюда.» Кристлиба печально подала своему брату изуродованную куклу, и не могла не вскрикнуть, когда тотъ, безъ дальнихъ церемоній, бросилъ ее въ прудъ. «Не жалѣй объ этой дряни, сестрица,» сказалъ Феликсъ.

«Если я убью утку, то отдамъ тебѣ лучшія перья, какія найдутся въ ея пестрыхъ крыльяхъ.» Въ тростникѣ послышался шорохъ, и Феликсъ поспѣшно прицѣлился своимъ деревяннымъ ружьемъ; но онъ его тотчасъ опустилъ, и смотрѣлъ передъ собою съ задумчивымъ видомъ. «Не глупый ли я мальчикъ,» сказалъ онъ тихимъ голосомъ, «развѣ можно стрѣлять безъ дроби и пороху; а какъ зарядить порохомъ деревянное ружье? Такъ къ чему же эта глупая деревяшка, и этотъ охотничій ножъ, тоже деревянный, который ни рѣжетъ, ни колетъ?»

Сабля моего двоюроднаго брата вѣрно была тоже деревянная: вотъ почему онъ не смѣлъ ее вынуть, когда испугался Султана. Я вижу теперь, что мой двоюродный братъ подшутилъ надъ нами своими игрушками, которыя всѣ самыя пустыя вещи, хотя и имѣють видъ чего то важнаго.» Сказавъ это, Феликсъ побросалъ въ прудъ ружье, охотничій ножъ, а наконецъ и патронташъ. Однако же Кристлиба была огорчена потерей своей куклы; Феликсъ тоже скучалъ. Такъ поплелись они домой, и когда мать спросила у нихъ: «Дѣти, гдѣ ва-

ши игрушки,» Феликсъ разскалъ откровенно, какъ онъ былъ обманутъ своимъ егеремъ, музыкантомъ, ружьемъ, охотникомъ, ножемъ и патронташемъ, а Кристлиба куклою. «Ахъ!» вскричала госпожа Бракель въ сердцахъ, «глупыя вы дѣти: вы не умѣли обращаться съ такими прекрасными вещами!» Но г. Тадеусъ Бракель, слушавшій съ примѣтнымъ удовольствіемъ разсказъ Феликса, скалъ: «Пусть дѣти дѣлають, что хотять; я таки очень радъ, что они избавились отъ этихъ игрушекъ, которыя только затрудняли ихъ.» Ни госпожа

Бракель, ни дѣти не понимали, что г. Бракель хотѣлъ тѣмъ сказать.

НЕИЗВѢСТНОЕ ДИТЯ.

Феликсъ и Кристлиба ранехонько отправились въ лѣсъ. Мать наказала имъ скорѣе воротиться домой, потому что имъ должно было гораздо долѣе сидѣть въ комнатѣ, и болѣе обыкновеннаго читать и писать, для того, чтобъ не краснѣть передъ учителемъ, котораго вскорѣ ожидали. И

потому Феликсъ сказалъ :
«Такъ побѣгаемъ же хоро-
шенько и поиграемъ въ это
короткое время, которое намъ
остается.» Они начали бѣгать
одинъ за другимъ, какъ собака
за зайцемъ; но какъ эта игра,
такъ и другія, которыя они
начинали, наводили на нихъ
въ короткое время скуку.
Они сами не знали отчего
именно въ этотъ день съ ними
случались многія непріятно-
сти: то шляпа Феликса, со-
рванная вѣтромъ, летѣла въ
хворостъ; то онъ спотыкался
и падалъ на всемъ бѣгу; то
Кристлиба задѣвала платьемъ
за терновникъ, или ушибала

ногу обь острые камни такъ больно, что громко вскрикивала. Наконецъ они перестали играть, и ходили печально по лѣсу.

«Пойдемъ домой,» сказалъ Феликсъ. Но вмѣсто того, чтобъ идти, онъ бросился подь тѣнь прекраснаго дерева. Кристлиба послѣдовала его примѣру. Они сидѣли печально, и молча смотрѣли въ землю. «Ахъ» вскричала Кристлиба, вздыхая, «естлибы у насъ были наши прекрасныя игрушки.» — «Онѣ бы намъ не помогли,» сказалъ Феликсъ, «мы опять бы ихъ сломали или испортили. Послушай

Кристлиба, маменька говорить правду: игрушки были хороши; но мы не умѣли съ ними обращаться; а это оттого, что мы не знаемъ наукъ.» «Ахъ! любезный Феликсъ,» сказала Кристлиба, «ты правъ; еслибы мы также хорошо знали науки, какъ нашъ двоюродный братецъ и двоюродная сестрица, то у тебя былъ бы твой охотникъ, и твой музыкантъ; а моя кукла не купалась бы съ утками на днѣ озера! Какіе мы глупые! ахъ! мы не знаемъ наукъ!» Кристлиба, сказавъ это начала плакать самымъ жалостнымъ образомъ! Фе-

ликсъ присоединился къ ней, и оба они кричали такъ, что раздавалось по всему лѣсу: «Бѣдныя мы дѣти, мы не знаемъ наукъ!» . . . Но вдругъ они остановились и спросили другъ друга съ удивленіемъ: «видишь ли, Кристлиба? — » «слышишь ли, Феликсъ? »

Въ самомъ темномъ мѣстѣ густаго кустарника, который находился предъ ними, сіялъ чудный свѣтъ, и подобно кроткому лучу мѣсяца, скользили по трепещущимъ листьямъ; а въ тихомъ шелестѣ деревьевъ слышался дивный акордъ, подобный тому, когда вѣтеръ пробѣгаетъ по стру-

намъ арфы, и будить спящіе въ ней звуки. Дѣти почувствовали, что-то странное: печаль ихъ исчезла; но на глазахъ появились слезы отъ сладостнаго чувства, котораго они никогда еще не испытали. Чѣмъ ярче становился свѣтъ въ кустѣ, тѣмъ громче раздавались дивные звуки, и тѣмъ сильнѣе билось у дѣтей сердце. Они глядѣли внимательно на свѣтъ, и увидѣли прелестнѣйшее въ мірѣ дитя, которое имъ пріятно улыбалось, и дѣлало знаки. — «О! приди къ намъ, милое дитя,» вскричали вмѣстѣ Феликсъ и Крестлиба, вставая и про-

тягивая къ нему свои рученки съ невыразимымъ чувствомъ.» — «Я иду, иду,» отвѣчала пріятный голосъ изъ куста, — и какъ бы несомое утреннимъ вѣтеркомъ, неизвѣстное дитя спустилось къ Феликсу и его сестрѣ.

КАКЪ НЕИЗВѢСТНОЕ ДИТЯ ИГРАЛО
СЪ ФЕЛИКСОМЪ И КРИСТЛИБОУ.

«Я издали слышало, какъ вы плакали и жаловались,» сказала неизвѣстное дитя, «и мнѣ стало васъ очень жаль: что же вамъ нужно, милые

друзья?» — «Ахъ! мы и сами не знаемъ,» возразилъ Феликсъ; «но теперь мнѣ кажется, какъ будто намъ недоставало тебя.» — «Это правда!» сказала Кристлиба; «теперь, когда ты съ нами, намъ опять весело. Гдѣ ты была такъ долго?»

Въ самомъ дѣлѣ, обоимъ дѣтямъ казалось, будто они давно знали это неизвѣстное дитя, будто играли съ нимъ, и будто печаль ихъ происходила оттого, что ихъ маленькаго товарища не было съ ними. — «Правда, у насъ нѣтъ болѣе игрушекъ,» сказалъ Феликсъ, «потому что я, глупый мальчикъ, перепортилъ и побро-

салъ тѣ, которыя подарилъ мнѣ вчера, мой двоюродный братъ; но не смотря на то мы будемъ играть. «Э! Феликсъ,» сказало неизвѣстное дитя, громко смѣясь, «какъ ты можешь говорить это? Дрянъ, которую ты побросалъ вѣрно немногого стоила: развѣ ты и Кристлиба не окружены самыми лучшими игрушками въ свѣтѣ?» «Гдѣ? гдѣ?» вскричали разомъ Феликсъ и Кристлиба. — «Взгляните около себя,» сказало неизвѣстное дитя. Тогда Феликсъ и Кристлиба увидѣли, что изъ густой травы какъ бы выглядывали блестящими глазами разные чудные дѣвѣ-

ты; а между ними искрились цвѣтные камни и блестящія раковины; золотые жуки прыгали, и тихо расцѣвали пѣсенки. — «Теперь построимъ дворецъ; помогите мнѣ собирать каменья!» сказала неизвѣстное дитя, нагнувшись къ землѣ, чтобы собирать цвѣтныя каменья. Феликсъ и Кристлиба помогали ему, и неизвѣстное дитя умѣло такъ искусно складывать каменья, что скоро поднялись высокія колонны, которыя блестяли на солнцѣ, какъ полированный металлъ, сверху находился легкій, золотый куполь. Тогда дитя поцѣловало цвѣ-

ты, которые были видны въ травѣ, и цвѣты съ пріятнымъ шелестомъ поднялись вверхъ, и сплетаясь составили душистыя аллеи, въ которыхъ дѣти весело играли. Неизвѣстное дитя ударило въ ладони: золотая крыша дворца раздвинулась — она состояла изъ крыльевъ золотыхъ насѣкомыхъ; — колонны превратились въ серебристый ручей, на берегу котораго выросли красивыя цвѣты: они то съ любопытствомъ смотрѣлись въ воды, то покачивая своими маленькими головками, слушали невинное журчаніе ручья. Тогда дитя нарвало нѣ-

сколько стебельковъ травы, и наломало съ деревьевъ маленькихъ вѣточекъ, которые оно разбросало передъ Феликсомъ и Кристлибою. Стебельки превратились въ прекрасныя куклы; а вѣточки сдѣлались хорошенькими маленькими егерями; куклы рѣзвились около Кристлибы; позволяли брать себя на руки, и говорили пріятнымъ голосомъ: — «Полюби насъ, добрая Кристлиба, полюби насъ!» Егеря собрались, загремѣли ружьями, затрубили въ рога, и кричали: — «Галло! галло! На охоту! на охоту!» Зайцы бросились изъ кус-

товъ; собаки за ними, и егеря пустились слѣдомъ вскачь! Это было такъ весело! Скоро все исчезло. Кристлиба и Феликсъ вскричали: — «Гдѣ куклы? гдѣ егеря?» — Неизвѣстное дитя сказало имъ: «О! они все въ вашемъ распоряженіи; вамъ только стоитъ захотѣть, и они тотчасъ къ вамъ явятся; но не лучше ли немного побѣгать въ лѣсу?» «Ахъ! да! да!» вскричали Феликсъ и Кристлиба. Неизвѣстное дитя взяло ихъ за руки, и сказало имъ: — «Пойдемте, пойдете.» Они пустились.

Но развѣ такъ бѣгаютъ? нѣтъ. Подобно легкому вѣт-

ру, дѣти неслись чрезъ лѣсъ и поляну; вокругъ нихъ птицы кружились и пѣли. Вдругъ они поднялись очень, очень высоко въ воздухъ, — «Здравствуйте, дѣти! здравствуй, другъ Феликсъ,» кричалъ имъ аистъ, летя мимо ихъ. — «Не трогайте меня, не трогайте меня! Я не буду ѣсть вашихъ голубей!» кричалъ имъ ястребъ, со страхомъ улетающій отъ дѣтей. Феликсъ былъ въ восхищеніи; но Кристлиба боялась. — «Мнѣ дурно, я падаю!» вскричала она. Въ ту же минуту, неизвѣстное дитя тихо опустилось съ ними и сказало: — «Теперь, спою я

намъ на прощанье лѣсную пѣсенку; завтра мы опять увидимся.» Тогда дитя вынуло маленькій рожокъ, котораго золотые изгибы казались блестящими вѣнками, и начало играть такъ пріятно, что весь лѣсъ огласился чудесными звуками, и вмѣстѣ съ тѣмъ соловьи, которые прилетѣли, какъ будто на звукъ рожка, и помѣстились на вѣтвяхъ возлѣ самаго дитяти, заибли свои дивныя пѣсни. Но вдругъ звуки стали ослабѣвать, и только тихій шелестъ слышался изъ кустовъ, въ которые скрылось неизвѣстное дитя. — «Завтра, завтра я прій-

ду опять!» говорило оно издали дѣтямъ, которые не знали что имъ дѣлать, потому что такого удовольствія, они никогда не испытали.—«Ахъ! еслибъ уже это было завтра!» говорили Феликсъ и Кристлиба, торопясь домой, чтобъ рассказать своимъ родителямъ, что случилось въ лѣсу.

ЧТО Г-нъ БРАКЕЛЬ И Г-жа БРАКЕЛЬ ГОВОРИЛИ О НЕИЗВѢСТНОМЪ ДИТЯТИ, И ЧТО СЪ НИМЪ ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ.

« Я почти готовъ думать, что все это дѣти видѣли во

снѣ: » такъ говорилъ г. Тадеусъ Бракель своей женѣ, когда Феликсъ и Кристлиба, безпрестанно думая о неизвѣстномъ дитяти, не могли нахвалиться его любезностію, его пріятнымъ голосомъ и чудесными играми. Но когда я подумаю,» продолжалъ г. Бракель, «что оба они не могли въ одно время видѣть одинъ и тотъ же сонъ, то наконецъ и самъ не знаю какъ это понять.» «Не ломай напрасно голову, любезный другъ,» говорила г-жа Бракель, «я быюсь обзакладъ, что неизвѣстное дитя не можетъ быть никто другой кромѣ Готлиба, сына школь-

наго учителя изъ сосѣдней деревни. Онъ прибѣгалъ сюда. «и толковалъ дѣтямъ всякій вздоръ. Но этаго впередъ ему не удастся.» Г. Бракель не соглашался съ мнѣніемъ своей жены; между тѣмъ, чтобъ лучше узнать дѣло, позвали дѣтей; и спросили ихъ о лицѣ и одеждѣ дитяти. О наружности его Феликсъ и Кристлиба были согласны между собою и говорили, что лице у дитяти было бѣло какъ лилія, что у него были розовыя щеки, алыя губы, голубыя свѣтлыя глаза и золотыя въ локонахъ волосы. Что же касается до платья, то они

ничего не могли сказать кроме того, что на немъ не было голубаго полосатаго камзола, такихъ же панталонъ и черной кожаной шапочки, какъ у сына школьнаго учителя. Напротивъ того все, что они могли сказать о нарядѣ дитяти, казалось баснею. Кристлиба утверждала, что на немъ было чудесное, легкое, блестящее платьице изъ розовыхъ листковъ; а Фрицъ говорилъ, что платье дитяти блестяло зелено - золотымъ цвѣтомъ, какъ весенній листъ на солнцѣ. Не можетъ быть, продолжалъ Феликсъ, чтобы это былъ сынъ школьнаго учителя:

объ этомъ не лѣзя и подумать; — мальчикъ слишкомъ хорошо знаетъ охоту, и изъ него будетъ славный егеръ. «Э, Феликсъ» сказала Кристлиба, «какъ ты можешь говорить, что эта маленькая дѣвочка будетъ егеремъ? Можетъ статься, что она знаетъ и охоту; но она гораздо болѣе разумѣетъ въ хозяйствѣ, потому что одѣваетъ куколь какъ нельзя лучше!» Такимъ образомъ Феликсъ принималъ неизвѣстное дитя за мальчика, а Кристлибъ оно казалось дѣвочкой.

Г-жа Бракель увѣряла, что нечего толковать съ дѣтьми

о такихъ пустякахъ, а г. Бракель говорилъ напротивъ того: «Стоить только пойти за дѣтьми въ лѣсъ, и подсмотреть что за чудное дитя съ ними играетъ. Но мнѣ кажется, что я тѣмъ могу разстроить ихъ забавы, и потому я нехочу этаго сдѣлать. На другой день, когда Феликсъ и его сестра побѣжали въ обыкновенное время въ лѣсъ, неизвѣстное дитя уже ихъ ожидало. Если наканунѣ оно выдумывало прелестнѣйшія игры, то въ тотъ день дѣлало просто чудеса, такъ что Феликсъ и Кристлиба поминутно вскрикивали отъ радости и восхи-

шенія. Но удивительнѣе всего было благородство и умъ съ которымъ дитя во время игры говорило деревьямъ, кустамъ, цвѣтамъ и ручьямъ. Всѣ отвѣчали ему такъ внятно, что Феликсъ и его сестра легко понимали этотъ разговоръ. Дитя сказала кусту ольхи: «Болтливый народъ, что вы тамъ опять шепчетесь между собою?» Вѣтви закачались сильнѣе, смѣялись и говорили: «Ха - ха - ха, мы радуемся тому, что принесъ намъ другъ нашъ, утренній вѣтеръ, возвращаясь съ голубыхъ горъ, гдѣ блеститъ первый лучъ дня. Онъ принесъ намъ тысячу при-

вѣтствій и тысячу поцѣлуевъ
отъ золотой царицы, и взмах-
нувъ своими крыльями, об-
далъ насъ дѣжнѣйшими арома-
тами.» «О замолчите,» прерва-
ли цвѣты,» о непостоянномъ
вѣтрѣ: онъ хвалится арома-
тами, которые похищаетъ у
насъ своими коварными лас-
ками. Не слушайте кустовъ,
дѣти, лучше посмотрите, по-
слушайте насъ, мы васъ очень
любимъ, и украшаемся каж-
дый день самыми прекрасны-
ми, блестящими цвѣтами для
того, чтобы вамъ нравиться.»
«А развѣ мы васъ также не
любимъ, прекрасные цвѣты?»
сказало неизвѣстное дитя; а

Кристлиба встала на колѣни, протянула свои рученки, чтобы обнять всѣ эти чудесные цвѣты, которые ее окружали, и вскричала: «Ахъ! какъ я васъ люблю!» Феликсъ говорилъ: «Вы мнѣ тоже нравитесь въ своемъ красивомъ платьѣ, но я предпочитаю вамъ деревья, кусты и лѣса, которые васъ защищаютъ, маленькіе пестрые созданія.» Тогда зашумѣла высокая черная ель: «Ты сказалъ правду, славный мальчикъ, и такъ не бойся насъ, когда налетитъ кумъ ураганъ, и мы поспоримъ съ нимъ нѣсколько громко.» «Кричите, спорьте, сколько

вамъ будетъ угодно, зеленые великаны; храбрый охотникъ отъ того будетъ храбрѣе и веселѣе,» сказалъ Феликсъ. «Это правда,» отвѣчалъ ручей тихимъ голосомъ; «но для чего же всегда охотиться, для чего всегда быть среди шума и бури? Приди, сядь на траву, и послушай меня. Я пришелъ сюда изъ далекихъ, далекихъ странъ, изъ глубокой пещеры; расскажу тебѣ славныя сказки, все новыя, которыя польются какъ волны, одна за другою; я вамъ покажу прекрасныя картины: взгляните только въ мое свѣтлое зеркало, и вы уви-

дите голубое небо, золотые облака, цвѣты, кусты, деревья, васъ самихъ, милыя дѣти.» «Феликсъ, Кристлиба, сказало дитя, смотря съ восхищеніемъ около себя «посмотрите какъ все васъ любить! Но вечерняя заря поднимается уже изъ-за горъ, и соловей зоветъ меня домой.» «Ахъ, полетаемъ еще не много,» про-силь Феликсъ. «Только не очень высоко,» сказала Кристлиба: «у меня закружится голова.» Тогда дитя взяло ихъ обоихъ за руки, и они поднялись къ вечернимъ облакамъ посреди птицъ, которыя въ радости шумѣли, и летали

вокругъ нихъ. Въ блестящихъ облакахъ, какъ въ волнующемся пламени Феликсъ увидѣлъ чудесные замки, изъ рубиновъ и другихъ блестящихъ каменьевъ. «Посмотри, Кристлиба, посмотри на эти замки,» вскричалъ онъ въ восхищеніи. «Полетимъ туда.» Кристлиба увидѣла также замки и позабыла о своемъ страхѣ, потому что смотрѣла уже не внизъ, а впередъ. «Это мои прекрасные воздушные замки,» говорило дитя; «но сегодня мы не можемъ тамъ быть.» Феликсъ и Кристлиба были какъ будто во снѣ, и сами не знали, какъ очутились дома.

РОДИНА НЕИЗВѢСТНАГО ДИТЯТИ.

Неизвѣстное дитя построило себя въ самомъ пріятномъ мѣстѣ лѣса между кустовъ близъ ручья прелестную бесѣдку изъ высокихъ, стройныхъ лилій, нѣжныхъ розъ и нестрыхъ тюльпановъ. Въ этой бесѣдкѣ Феликсъ и Кристлиба сидѣли съ дитятею, и слушали что говорилъ ручей. «Я не понимаю, что говорить ручей,» сказалъ Феликсъ, «и мнѣ кажется, что только ты, любезный другъ, можешь мнѣ рассказать, что онъ такъ не-

внятно шепчетъ. Хотѣлъ бы я также спросить откуда ты приходишь, и куда такъ скоро скрываешься, что мы не можемъ этаго замѣтить.» «Знаешь ли, милая,» сказала въ свою очередь Кристлиба, «что маменька, принимаетъ тебя за Готлиба, сына школьнаго учителя. «Да замолчи,» возразилъ Феликсъ; «маменька никогда не видала этаго мальчика; — а если бы увидѣла, то не приняла бы за Готлиба. Но скажи поскорѣе гдѣ ты живешь, чтобы мы могли придти къ тебѣ зимою, когда идетъ такой сильный дождь и снѣгъ, что въ лѣсу нельзя отыскать

дороги.» «Ахъ, да!» сказала Кристлиба, «скажи намъ непременно, гдѣ ты живешь, кто твои родители, и главное, какъ тебя зовутъ.» Неизвѣстное дитя опустило глаза съ важнымъ и почти печальнымъ видомъ: тяжело вздохнуло, и сказало послѣ нѣкотораго молчанія: «Ахъ мои милые, за чѣмъ спрашиваете вы меня, гдѣ я живу? развѣ вамъ не довольно того, что я каждый день прихожу и играю съ вами? я могло бы вамъ сказать, что я живу тамъ, за голубыми горами, которыя кажутся туманнымъ облакомъ; но если бы вы шли цѣлые

дни, и наконецъ достигли бы до тѣхъ горъ, то увидѣли бы другія горы, столь же далекія, позади которыхъ должны бы были искать мой домъ; за этими горами представились бы еще горы, и вы никогда не дошли бы до моего дома.—» «Ахъ!» вскричала Кристлиба со слезами: «и такъ, ты живешь далеко, далеко отъ насъ, и только на время пришла сюда?» — «Послушай, любезная Кристлиба,» сказала неизвѣстное дитя, «когда ты очень желаешь меня видѣть, то я тотчасъ являюсь къ тебѣ, и приношу съ собою всѣ игры и

всѣ чудеса моей родины: не все ли это равно, еслибы мы жили въ одномъ мѣстѣ, и всегда другъ съ другомъ играли.» —

«Нѣтъ, не все равно,» возразилъ Феликсъ, «я думаю что твоя чудесная родина вся наполнена тѣми прекрасными вещами; которыя ты намъ приносишь. Ты напрасно рассказываешь, что дорога туда такъ трудна: при первой возможности, я отправлюсь. Идти чрезъ лѣсъ по совершенно дикимъ и заросшимъ тропинкамъ, взбираться на горы, переходить потоки, поля, пустыни, по-

крытыя острыми каменьями и терновникомъ, — все это дѣло охотника, и я за него берусь.» «И ты это исполнишь:» сказало неизвѣстное дитя съ веселою улыбкою: «такъ какъ ты твердо рѣшился на это дѣло, то оно тебѣ непременно удастся. Точно, — страна, въ которой я живу такъ прекрасна, что я не могу того разсказать. Царица этой страны есть мать моя.» «Такъ ты принцъ?» «Такъ ты принцесса?» вскричали вмѣстѣ Феликсъ и Кристлиба, изумленные и почти испуганные. «Да,» отвѣчало неизвѣстное дитя. «Слѣдовательно ты живешь

въ прекрасномъ дворцѣ?» продолжалъ Феликсъ. «Конечно; дворецъ моей матери несравненно лучше тѣхъ, какіе ты видѣлъ въ облакахъ, потому что колонны его изъ чистаго хрустала, и простираются до самаго неба, которое опирается на нихъ, какъ большой куполь. Подъ нимъ носятся блестящія облака съ золотою каймой; алая заря восходитъ и заходитъ тамъ; свѣтлыя звѣзды блестятъ на немъ. Вы вѣрно слышали уже о феяхъ, милые друзья, которыя могутъ дѣлать великія чудеса, и вѣрно догадываетесь, что мать моя тоже фея. Она са-

мая могущественная изъ Фей. Все что живетъ и дышетъ на земль соединяетъ она любовью; но болѣе всего мать моя любить дѣтей, и отъ того праздники, которые она имъ даетъ въ своемъ царствѣ, бывають лучше всѣхъ. Тогда духи ея двора смѣло несутся въ облака, и перекидываютъ съ одного конца дворца до другаго, радуго, блестящую прелестнѣйшими цвѣтами. Подъ нею возвышается престоль моей матери, покрытый драгоценными камнями, имѣющими видъ и запахъ лилій, розъ и тюльпановъ. Когда мать моя садитъ

ся на престоль, духи берутъ свои арфы, свои хрустальные кимвалы; имъ вторять пѣвцы такими дивными голосами, что умираешь отъ удовольствія. Эти пѣвцы, прекрасныя птицы болѣе орла, съ пурпуровыми перьями, какихъ вы вѣрно никогда не видали. Лишь только раздадутся звуки, все оживляется во дворцѣ, въ лѣсу, въ саду; тысячи дѣтей, прекрасно-одѣтыхъ толпятся въ радости; то они бѣгають по кустамъ, и бросають другъ въ друга цвѣтами; то взлѣзають на деревья, и качаються на нихъ отъ вѣтра; то срываютъ золотые плоды, та-

кіе сладкіе и вкусныя какихъ нѣтъ на землѣ; то играютъ съ ручными сернами — съ другими красивыми животными, которыя выскакиваютъ предъ ними изъ кустовъ; то они смѣло бѣгають по радугѣ или садятся даже, какъ отважные ѣздоки, на прекрасныхъ золотыхъ фазановъ, которые носятся съ ними въ блестящихъ облакахъ.» — «Ахъ! это должно быть очень хорошо; возьми насъ съ собою въ твой дворецъ: мы хотимъ тамъ навсегда остаться!» Такъ вскричали въ восторгѣ Феликсъ и Кристиба; но неизвѣстное дитя сказало имъ: «Я, право, не могу

взять васъ съ собою ; туда слишкомъ далеко ; надобно, чтобы вы также хорошо летали, какъ я.» Это опечалило Феликса и Кристлибу, и они въ молчаніи опустили глаза.

О ЗЛОМЪ МИНИСТРЪ ПРИ ДВОРЪ
ЦАРИЦЫ ФЕЙ.

«Впрочемъ,» продолжало неизвѣстное дитя, пребываніе у моей матери, можетъ быть, покажется вамъ и не такъ хорошо, какъ я вамъ рассказываю ; оно можетъ даже быть для васъ опасно : есть дѣти,

которыя не могут слышать пѣнія пурпуровыхъ птицъ, какъ оно ни прекрасно; сердце ихъ разрывается, и они тотчасъ умирають; другія, которыя слишкомъ неосторожно бѣгають по радугѣ, падаютъ съ нея, а другія такъ беспокоятъ золотыхъ фазановъ, когда летаютъ на нихъ, что тѣ разсердясь, сбрасываютъ ихъ съ себя. Мать моя очень печалится, когда случится съ дѣтьми такое несчастье, хотя и по ихъ собственной винѣ. Она позволяетъ мнѣ приносить прекрасныя игрушки добрымъ дѣтямъ, что я теперь и дѣлаю

вамъ. Но я не хочу скрывать отъ васъ, что прихожу къ вамъ тайнымъ образомъ: прежде мнѣ было вездѣ безопасно, какъ въ моей родинѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ злой непріятель моей матери, котораго она изгнала изъ своего царства, скитается по землѣ, я болѣе не безопасно отъ его нападеній.» — «Хотѣлъ бы я посмотреть!» вскричалъ Феликсъ, вскочивъ, и махая по воздуху вѣткой терновника, «кто осмѣлится сдѣлать тебѣ что нибудь! Тотъ будетъ имѣть дѣло со мною; а потомъ я позову на помощь папеньку: онъ велитъ его пой-

мать и запереть въ башню.» — «Ахъ!» отвѣчало неизвѣстное дитя, «онъ также ужасенъ здѣсь, какъ былъ безсиленъ въ царствѣ моей матери; онъ не боится ни палки, ни башни.» «Кто же этотъ злодѣй, котораго ты такъ боишься?» спросила Кристлиба. — «Я вамъ сказало, что мать моя могущественная царица,» отвѣчало дитя, «а вы знаете, что царицы, какъ и цари имѣютъ дворъ и министровъ.» — «Конечно» сказала Феликсъ; нашъ дядя, графъ, то же министръ: онъ носить на груди звѣзду. Носятъ ли министры твоей матери также блестящія

звѣзды?» — «Нѣтъ,» отвѣчало неизвѣстное дитя, «потому что большая часть изъ нихъ сами блестящія звѣзды; а другіе не носятъ даже никакого платья; я вамъ скажу только, что министры моей матери могущественные духи, которые живутъ въ воздухѣ и въ водѣ, и которые исполняютъ повсюду повелѣнія моей матери. Много лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ царствѣ появился неизвѣстный духъ, по имени Пепазилію, считавшій себя ученѣе всѣхъ прочихъ. Мать моя сдѣлала его своимъ министромъ; но скоро коварство его обнаружилось. Онъ не

только портилъ все, что дѣлали другіе министры, но и старался болѣе всего вредить прекраснымъ дѣтскимъ праздникамъ. Онъ увѣрилъ мать мою, что доставить дѣтямъ много удовольствія, и сдѣлаетъ ихъ очень умными: между тѣмъ дергалъ ихъ за ноги, когда они лазили на деревья, и тѣ падая сильно ушибались. Онъ бросалъ всякую дрянъ въ ротъ пѣвчимъ, чтобы тѣ не пѣли; а блестящіе камни дворца покрывалъ онъ гадкою черною замазкою, лишавшею ихъ блеска. Тогда онъ громко смѣялся и говорилъ, что все было такъ, какъ

онъ того желалъ. Но когда подъ конецъ онъ не сталъ болѣе признавать мать мою царицею, и осмѣлился въ видѣ ужасной мухи со сверкающими глазами и острымъ жаломъ, напасть на нее, тогда узнала она въ немъ мрачнаго царя гномовъ Пепсера. Министры воздуха окружили мать мою, покрывъ ее легкими парами, между тѣмъ какъ министры огня летали въ пламени туда и сюда; а птицы пѣли самыя громкія пѣсни: такимъ образомъ царица ни видѣла, ни слышала отвратительнаго Пепсера, и не чувствовала его ядовитаго

дыханія. Наконецъ царь фазановъ схватилъ злаго Пепсера своимъ блестящимъ носомъ, и стиснулъ его такъ сильно, что тотъ громко закричалъ отъ боли и злости; потомъ сбросилъ онъ его на землю съ ужасной высоты. Долгое время Пепсеръ не могъ пошевелиться; наконецъ на крикъ его приползла его двоюродная сестра большая синяя жаба, положила его на спину, и унесла къ себѣ. Пять сотъ веселыхъ дѣтей получили хорошія хлонушки; для того чтобы убивать отвратительныхъ товарищей Пепсера, которые еще летали и

портили прекрасные цвѣты. Только что Пепсеръ удалился, черная замазка, которою онъ все покрылъ сама собою расплылась, и вскорѣ все стало снова цвѣсти, блестять, также хорошо какъ и прежде. Вы можете представить себѣ, что гадкѣй Пепсеръ ничего не въ силахъ сдѣлать въ царствѣ моей матери; но онъ знаетъ, что я часто оттуда вылетаю, — и неутомимо преслѣдуетъ меня во всѣхъ видахъ, такъ что я, бѣдное дитя, часто отъ страха не знаю куда мнѣ спрятаться. И потому милые друзья, улетаю такъ поспѣшно, что вы не примѣчаете,

куда я исчезаю. Еслибъ я захотѣло привести васъ къ моей матери, то увѣрено, что царь гномовъ напаль бы на насъ и всѣхъ убилъ.» Кристлиба горько плакала объ опасностяхъ, которымъ подвергалось неизвѣстное дитя; но Феликсъ говорилъ съ гнѣвомъ: — «Если царь гномовъ есть ничто иное, какъ большая муха, то я его убью!» —

КАКЪ ПРИБЫЛЪ УЧИТЕЛЬ, И КАКЪ
ЕГО БОЯЛИСЬ ДѢТИ.

Феликсъ и Кристлиба бѣжали домой, и кричали без-

престанно: — «Неизвѣстное дитя — прекрасный принцъ!» — «Неизвѣстное дитя — прекрасная принцесса!» — Они хотѣли объявить это родителямъ; но вдругъ остановились какъ окаменѣлые передъ входомъ, когда г. Тадеусъ Бракель вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ человѣкомъ странной наружности, который бормоталъ про себя: «Славные повѣсы!» «Вотъ учитель, котораго вамъ посылаетъ дядюшка,» сказалъ г. Бракель, взявъ его за руку: «кланяйтесь ему поучтивѣе.» Но дѣти смотрѣли на него изкоса, и не двигались съ мѣста, — по-

тому что никогда не видали такой странной фигуры. Учитель едва полъ-головою былъ выше Феликса; его толстое тѣло держалось на такихъ тоненькихъ ножкахъ, какъ у паука; голова у него была почти четырехугольная, лице прегадкое, потому что онъ имѣлъ толстыя темно-красныя щеки, ротъ до ушей и длинный, острый носъ; въ его маленькихъ, сѣрыхъ стеклянныхъ глазахъ, выражалась такая злость, что противно было смотрѣть на нихъ. За тѣмъ, на четырехугольной головѣ его былъ черный какъ смоль парикъ, и весь онъ былъ

одѣтъ въ черное платье. Онъ назывался магистръ Тинте. Дѣти все еще стояли, какъ вкопанные, и г-жа Бракель вскричала съ гнѣвомъ: «Что это значить, дѣти? г. магистръ приметъ васъ за крестьянскихъ дѣтей. Ну, что вы стоите, дайте руки г. магистру. Дѣти ободрились и сдѣлали то, что приказывала имъ мать; но коснувшись руки учителя, они отскочили въ ужасъ. Магистръ громко засмѣялся, и показалъ булаву, которою онъ укололъ дѣтей, когда они подали ему руки. Кристлиба плакала, а Феликсъ, глядя изкоса, про-

ворчалъ на магистра: «Попробуй еще разъ, маленькій толстякъ.»— «За чѣмъ вы это сдѣлали, любезный господинъ магистръ Тинте;» спросилъ г. Бракель, не слишкомъ этимъ довольный. Магистръ отвѣчалъ: «Таковъ мой обычай: я не могу его оставить.» При этомъ подбоченился онъ, и продолжалъ смѣяться, такъ что наконецъ смѣхъ его сдѣлался какъ скрыпъ немазаннаго колеса. «Вы, кажется, весельчакъ, любезный г. магистръ Тинте,» сказалъ г. Бракель; но какъ ему, такъ и г-жѣ Бракель, а въ особенности дѣтямъ вовсе было не

до смѣху. «Ну дѣти,» сказала магистръ, «посмотримъ, что вы знаете.»—Онъ тотчасъ началъ дѣлать имъ вопросы, подобно тому, какъ дядя дѣлалъ своимъ дѣтямъ. Но когда они отвѣчали, что совсѣмъ не знаютъ наукъ, то магистръ хлопнувъ руками, вскричалъ: «Вотъ прекрасно! не знаютъ наукъ! будетъ работы! однако мы справимся.» Феликсъ и Кристлиба писали довольно хорошо, и знали на память не одну хорошенькую повѣсть, которыя они читали въ книгахъ своего отца; но магистръ не обратилъ даже на это вниманія. Тогда нельзя

было и подумать бѣгать въ
лѣсъ. Бѣдныя дѣти прину-
ждены были оставаться цѣ-
лый день въ четырехъ стѣ-
нахъ, и повторять за маги-
стромъ уроки, которыхъ не
понимали. Это было настоя-
щее мученіе! Какими жадны-
ми глазами смотрѣли они въ
лѣсъ! Часто казалось имъ, что
посреди веселаго шѣнія птицъ
раздавался голосъ неизвѣст-
наго дитяти, которое имъ
кричало: «Гдѣ это вы Феликсъ,
Кристлиба? милые друзья, не
хотите ли играть со мною?
приходите — я вамъ построило
изъ цвѣтовъ чудесный дво-
рецъ; я подарю вамъ прекра-

снѣйшіе камни мы полетимъ въ облака, и будемъ сами строить блестящіе воздушные замки. Идите же, идите!» . . . Тогда дѣти мысленно переносились въ лѣсъ, и не слышали, не видѣли магистра, который сердился, билъ кулаками по столу, и кричалъ: «шш, шш, брр, брр . . . тише, что это такое!» Наконецъ Феликсъ не выдержалъ, и закричалъ: «Убирайтесь вы, съ вашими глуностями, г. магистръ; я хочу идти въ лѣсъ. Ступайте съ этимъ къ моему двоюродному брату, онъ любить эти вещи пойдемъ Кристлиба; дитя насъ ждетъ.»

Съ этими словами онъ вышелъ со своею сестрою; но магистръ бросился за ними съ необыкновенною быстротою, и удержалъ ихъ на порогъ. Феликсъ храбро защищался, и магистръ былъ въ опасности, потому что Султанъ прибѣжалъ на помощь. Султанъ, очень емирная собака, съ самаго начала получилъ непреодолимое отвращеніе къ магистру Тинте. Только что подошелъ къ нему магистръ, онъ заворчалъ, и такъ сильно замахалъ хвостомъ, что попавши по тоненькимъ ножкамъ, чуть не опрокинулъ его. Послѣ того Султанъ подскочилъ,

и схватилъ за воротникъ магистра, котораго Феликсъ держалъ за руки. Тинте поднялъ ужасный крикъ, на который прибѣжалъ г. Тадеусъ Бракель. Тогда магистръ пустилъ Феликса, а Султанъ магистра. «Ахъ, мы больше не будемъ ходить въ лѣсъ!» говорила Кристлиба со слезами. Но какъ ни сердился г. Тадеусъ, ему было жаль дѣтей, и онъ уговорилъ магистра, ходить съ ними каждый день въ лѣсъ. «Если бы это былъ порядочный садъ,» говорилъ магистръ, «то почему же бы не такъ; но что дѣлать въ этомъ дикомъ лѣсу.» Дѣти были также

недовольны, и говорили: «Что намъ дѣлать съ магистромъ въ нашемъ прекрасномъ лѣсу?»

КАКЪ ДѢТИ ХОДИЛИ СЪ МАГИСТРОМЪ ВЪ ЛѢСЪ, И ЧТО ПРИ ТОМЪ СЛУЧИЛОСЬ.

«И такъ, нашъ лѣсъ тебѣ не нравится, «господинъ магистръ?» сказалъ Феликсъ, когда они были въ лѣсу. Магистръ сдѣлалъ кислую мину, и вскричалъ: «Глупыя дѣти, здѣсь нѣтъ даже дороги: того и гляди, что раздерешь себѣ чулки; а птицы мерзкимъ своимъ

крикомъ не дадутъ сказать порядочнаго слова.» «Ага! господинъ магистръ,» сказала Феликсъ «я вижу, что ты ничего не понимаешь въ ихъ пѣсни, и не слышишь даже какъ утренній вѣтеръ разговариваетъ съ кустами, а старый ручей рассказываетъ прекрасныя сказки.» «И я увѣрена,» возразила Кристлиба, «что ты, магистръ, не любишь цвѣтовъ.» Магистръ сдѣлался еще краснѣе обыкновеннаго, хлопнулъ руками и вскричалъ.» Что вы болтаете! одного не доставало, чтобы лѣса и ручьи вмѣшивались въ наши разговоры! Что касается до

цвѣтовъ, то я ихъ люблю, когда они стоятъ въ горшкѣ, по среди комнаты; но въ лѣсу какіе цвѣты.» — «Но, господинъ магистръ,» сказала Кристлиба, «развѣ ты не примѣчаешь прекрасныхъ ландышей, которые на тебя глядятъ такъ ласково и такими пріятными глазами?» — «Какъ, что вы говорите!» сказалъ магистръ, «цвѣты съ глазами! А! а! а! да они нисколько и не пахнутъ.» Сказавъ это, магистръ наклонился, вырвалъ съ кореньями цѣлый пукъ цвѣтовъ, и бросилъ ихъ въ хворостъ. Дѣтямъ показалось, что они слышали въ лѣсу жалобный крикъ.

Кристлиба плакала, а Феликсъ кусаль себѣ губы. Въ эту минуту, маленькій воробей съль на сучокъ, и весело чирикаль. «Мнѣ кажется,» сказалъ магистръ, «что эта птичка смѣется надо мною;» и взявъ камень, онъ бросильвъ нее. Камень попалъ въ бѣдную птичку, которая свалилась мертвая со своей зеленой вѣтки. Феликсъ не могъ долѣе выдержать. «О! мерзкій магистръ,» вскричалъ онъ сердито, «за что ты убиль бѣдную птичку? Гдѣ ты, любезное дитя? О! приди, мы улетимъ съ тобою; я не хочу болѣе оставаться съ этимъ гадкимъ

человѣкомъ.» «Что вы говорите о неизвѣстномъ дитяти?» сказала магистръ. Въ то же время, кусты зашумѣли, и въ этомъ шумѣ послышались жалобныя и рѣзкіе звуки, подобно отдаленному звону колокольчиковъ. Посреди блестящаго облака видно было кроткое лице неизвѣстнаго дитяти, которое приблизилось; ручки его были сложены, и слезы катились по розовымъ щекамъ. — «Ахъ!» говорило неизвѣстное дитя, «я не могу болѣе приходить къ вамъ, мои милые друзья, вы меня болѣе не увидите. Прощайте, прощайте. Царь

гномовъ овладѣль вами, бѣдныя дѣти; прощайте.» Сказавъ это, неизвѣстное дитя исчезло въ воздухъ; но вдругъ раздался страшный шумъ. Магистръ превратился въ большую муху, которая была тѣмъ ужаснѣе, что сохранила человѣческой видъ, и нѣсколько платья. Феликсъ и его сестра въ испугъ бросились изъ лѣсу, и не смѣли прежде оглянуться, какъ прибѣжавъ на поляну. Они увидѣли въ облакахъ свѣтлую точку, которая блестѣла звѣздою, и по видимому опускалась. « Это неизвѣстное дитя, » вскричала Кристлиба. « Нѣтъ! вскри-

чалъ Феликсъ, это царь фазановъ преслѣдуетъ магистра! Дитя спасено, и мы также!» Они побѣжали домой, и рассказали своему отцу все, что случилось.

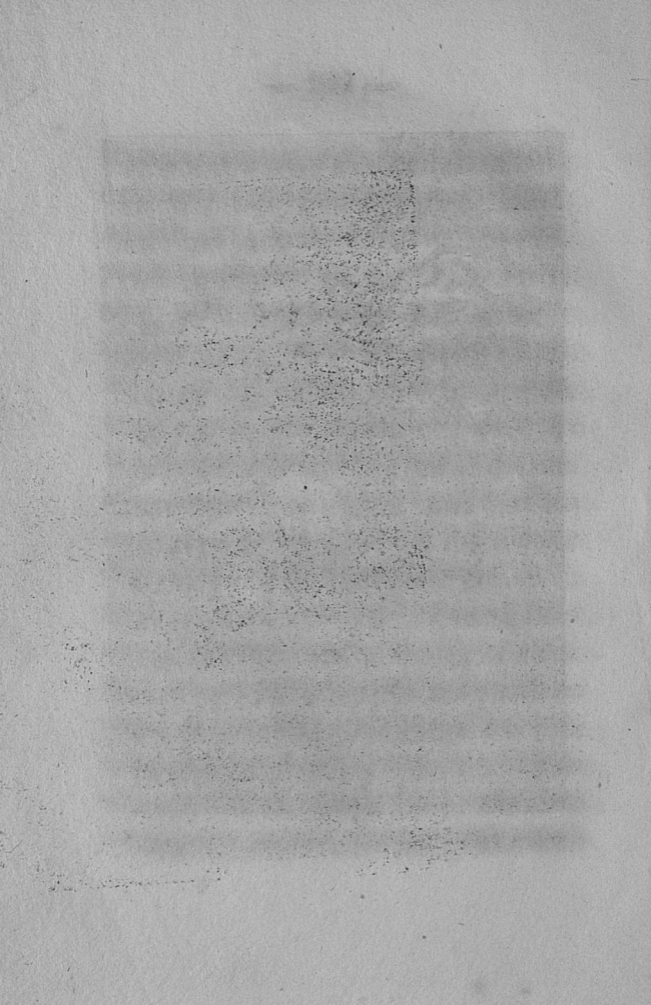
КАКЪ Г. БРАКЕЛЬ ПРОГНАЛЪ МАГИСТРА.

Г. Бракель и г-жа Бракель сидѣли предъ дверью своего маленькаго домика, и смотрѣли на вечернюю зарю, которая въ золотыхъ лучахъ начинала подниматься за горою.

Предъ ними на маленькомъ столикѣ стоялъ ужинъ, состоявшій изъ большой миски хорошаго молока, хлѣба и масла. «Не понимаю, говорилъ г. Бракель, отъ чего такъ долго нѣтъ магистра съ дѣтьми? Съ начала онъ запиралъ ихъ, и не хотѣлъ совсѣмъ пускать въ лѣсъ; а теперь самъ не идетъ. Этотъ магистръ, престранный человѣкъ, и я почти желалъ бы, чтобъ онъ совсѣмъ не возвращался.» «Я согласна съ тобою, мой другъ,» сказала г-жа Бракель. «Какъ прежде я радовалась, что нашъ благородный братецъ заботится о нашихъ дѣтяхъ, такъ теперь

недовольна, что онъ прислалъ намъ этаго магистра. Я не говорю о его учености; но этотъ маленькій, толстенъкій, черненькій человѣчекъ съ тоненькими ножками мнѣ очень не нравится. Всего досаднѣе то, что магистръ ужасный лакомка: онъ не можетъ видѣть ни молока, ни пива безъ того, чтобъ на него не броситься, а если замѣтитъ открытую сахарницу, то сейчасъ начнетъ ѣсть сахаръ до тѣхъ поръ, пока не захлопнуть у него подъ носомъ крышку.» Разговоръ о магистрѣ продолжался, когда Феликсъ и Кристлиба прибѣжали изо всѣхъ силъ.

« Ура! ура! » кричалъ Феликсъ, « царь фазановъ смертельно укусилъ магистра. »

« Ахъ маменька, » сказала Кристлиба заныхавшиесъ, « магистръ Тинте вѣдь не магистръ: онъ царь гномовъ, онъ большая муха, которая ходитъ въ парикъ, башмакахъ и чулкахъ. »

« Гдѣ вы набрались такого вздора? » спросилъ г. Бракель.

Дѣти рассказали все что случилось, и говорили, что мерзкій гномъ долженъ находится въ лѣсу мертвый.

Г-жа Бракель сложила руки съ глубокимъ вздохомъ: « дѣти, дѣти, » сказала она, « что за нелѣпости вы выдумываете,

и какъ смѣете утверждать, что это правда.» Г. Бракель принялъ важный и задумчивый видъ.— «Феликсъ,» сказалъ онъ, «ты умный ребенокъ, и я могу тебѣ сказать, что магистръ мнѣ съ самаго начала не понравился. Мнѣ часто казалось, что онъ вовсе не похожъ на магистра; а мать твоя жалуется, что онъ ужасный лакомка; но подумай, можетъ ли быть г. магистръ мухой?» Феликсъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца, и отвѣчалъ ему: «я объ этомъ никогда не думалъ; однако, онъ и самъ говорилъ, что въ школь былъ рѣзвой

мухой; къ тому же онъ такой лакомка, и такъ гадко жужжить.» «Замолчи,» сказалъ г. Бракель съ гнѣвомъ, «кто бы ни былъ г. магистръ Тинте; но царь Фазановъ его не убилъ, потому что вотъ онъ самъ идетъ изъ лѣсу.» Дѣти громко закричали, и убѣжали въ домъ.

Въ самомъ дѣлѣ магистръ шелъ по березовой аллеѣ, но въ ужасномъ положеніи: нарикъ его былъ сдернуть на бокъ; самъ онъ прыгалъ съ одной стороны въ другую, и такъ крѣпко стучался головою о деревья, что удары раздавались по лѣсу. Наконецъ

онъ дошелъ до стола, бросился въ миску съ молокомъ, которое оттого полилось черезъ край. — «Побойтесь Бога, г. магистръ, что это вы дѣлаете?» кричала г-жа Бракель. «Не съ ума ли вы сошли, г. магистръ,» кричалъ г. Бракель. Но магистръ, не обращая на нихъ вниманія, выскочилъ изъ миски, сѣлъ на хлѣбъ, и началъ тоненькими своими ножками приглаживать полы фрака; потомъ полетѣлъ онъ къ дверямъ, но былъ такъ слабъ, что не могъ ихъ найти, и стучалъ во всѣ окошки. Тогда г. Бракель хотѣлъ схватить его за платье: но онъ

безпрестанно вырывался; наконецъ г. Бракель взялъ хлопушку, а жена и дѣти салфетки, и принялись его гонять, но никакъ не могли попасть по немъ. Между тѣмъ удары хлопушки и салфетокъ сыпались градомъ; наконецъ г. Бракель попалъ по немъ вскользь; магистръ упалъ со вздохомъ. Но въ ту минуту, какъ г. Тадеусъ хотѣлъ во второй разъ его прихлопнуть, онъ собралъ все свои силы, зажужжалъ, взвился и полетѣлъ къ березамъ. Онъ болѣе не являлся. «Ну! слава Богу, наконецъ мы избавились отъ проклятаго магистра,» сказали

г. Бракель. — «Онъ болѣе не будетъ пить моего молока,» прибавила г-жа Бракель.» А дѣти не знали, что идѣть отъ радости. «Папенька прогналъ магистра,» кричали они прыгая: «онъ къ намъ больше не воротится.»

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ ЛѢСУ, ПОСЛѢ ТОГО КАКЪ ПРОГНАЛИ МАГИСТРА.

Кристлиба и Феликсъ вздохнули свободно, какъ будто нѣмая гора свалилась у нихъ съ плечъ. Болѣе всего они радовались тому, что неиз-

вѣстное дитя можетъ придти играть съ ними. Въ этой пріятной надеждѣ, они отправились въ лѣсъ; но все въ немъ было тихо и печально: вмѣсто веселаго пѣнія птицъ, говора деревьевъ, только слышны были глубокіе вздохи. Солнце свѣтило блѣдно. Вскорѣ небо закрылось черною тучею; вдали загремѣлъ громъ; высокія сосны стѣнали и сильно скрипѣли. Кристлиба, дрожа отъ страха, жалась къ Феликсу. «Чего ты боишься, сестрица,» сказала онъ ей, «собирается гроза, воротимся лучше домой.» Они пустились бѣжать; но вмѣсто того, чтобы

выдти изъ лѣсу, они все болѣе и болѣе углублялись въ него. Становилось темнѣе; дождь надалъ крупными каплями; молнія сверкала въ облакахъ. Дѣти остановились предъ густымъ кустарникомъ. «Кристлиба,» сказала Феликсъ, «пождемъ здѣсь, пока перестанетъ гроза.» Кристлиба плакала отъ страха, однако послушалась Феликса. Только что они хотѣли сѣсть подъ кустъ, какъ услышали позади себя непріятные голоса, которые говорили: «Глупыя дѣти, вы бросили насъ, вы не умѣли съ нами обращаться; теперь сидите же безъ игрушекъ.» Фе-

ликъ, посмотрѣлъ около себя, и чрезвычайно удивился, увидя егеря и деревяннаго арфи-ста, которыхъ онъ не задолго предъ тѣмъ, бросилъ въ этотъ кустъ, и которые пристально на него глядѣли, размахивая своими маленькими ручками. Музыкантъ забренчалъ на своемъ инструментѣ; а маленькій егерь даже прицѣлился въ Феликса, и они оба говорили: «Подождите же вы, негодяи! мы послушные воспитанники г. магистра Тинте. Онъ самъ, сейчасъ будетъ сюда, и вы поплатитесь съ нимъ за свою дерзость!» Испуганная дѣти, не смотря ни

на проливной дождь, ни на громъ, ни на вой бури въ лѣсу, бѣжали изо всѣхъ силъ, и достигли пруда, которымъ ограничивался лѣсъ. Но лишь только они прибѣжали, большая кукла Кристлибы, поднялась изъ тростника, куда ее бросилъ Феликсъ, и сказала: «Глупыя дѣти, вы бросили меня, вы не умѣли обращаться со мною; теперь сидите же безъ игрушекъ. Я послушная воспитанница г. магистра Тинте. Онъ самъ сейчасъ будетъ сюда, и вы заплатите съ нимъ за свою дерзость!» Вмѣстѣ съ тѣмъ гадкая кукла пустила цѣлую

струи воды въ лице бѣдными дѣтями, которые и безъ того уже промокли отъ дождя. Полумертвые они бросились бѣжать; но на самой срединѣ лѣса упали въ изнеможеніи. Новый шумъ, раздався позади ихъ. — «Магистръ Тинте идетъ!» вскричалъ Феликсъ; новѣту же минуту онъ лишился чувствъ; — Кристлиба тоже. Когда они очнулись, то сидѣли на мягкой дерновой скамьѣ. Гроза утихла; солнце весело свѣтило изъ облаковъ; дождевыя капли сверкали, какъ алмазы на кустахъ и деревьяхъ. Дѣти очень удивились тому, что платья

ихъ были совершенно сухи, и они не чувствовали ни холода, ни сырости. — «Ахъ! вскричала Феликсъ подымая руки къ небу, «неизвѣстное дитя насъ спасло!» — «Ахъ! милое дитя,» вскричали они вмѣстѣ, «приди къ намъ; мы не можемъ жить безъ тебя!» Казалось будто свѣтлый лучъ блеснулъ въ кустарникъ и коснулся цвѣтовъ, которые оттого подняли свои головки; они увидѣли того, кого такъ усердно звали. Печально побрели они домой, гдѣ родители, испуганные грозою, встрѣтили ихъ съ радостію. Они рассказали все,

что съ ними случилось, и г-жа Бракель рѣшилась-было не пускать ихъ болѣе въ лѣсъ; однако пускала всякій разъ, какъ они о томъ ее просили. Но дѣтямъ не было покою отъ егеря, арфиста и куклы, которые дразнили ихъ, выглядывая изъ кустовъ и изъ пруда. Феликсъ и Кристлиба не могли перенести того, и перестали наконецъ ходить въ лѣсъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«Не понимаю,» сказалъ однажды г. Тадеусъ своей женѣ,

«почему я съ нѣкотораго времени чувствую, что-то странное; я готовъ даже приписать это злему магистру, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я прихлопнулъ его хлопнушкою, чувствую свинцовую тяжесть во всѣхъ своихъ членахъ.» Въ самомъ дѣлѣ, г. Бракель съ каждымъ днемъ становился слабѣе и слабѣе. Онъ не ходилъ болѣе въ полѣ; не шумѣлъ и не хозяйничалъ дома; но сидѣлъ задумавшись по цѣлымъ часамъ, и заставлялъ Феликса и Кристлибу рассказывать, что происходило между ними и неизвѣстнымъ дитятею. Когда дѣти говорили

съ восхищеніемъ о своемъ чудесномъ другѣ и его блестящемъ царствѣ, онъ печально улыбался, и глаза его наполнялись слезами. «Пойдемте, дѣти, пойдемте вмѣстѣ въ лѣсъ, злой духъ магистра вамъ ничего не сдѣлаетъ,» сказалъ однажды утромъ г. Бракель Феликсу и Кристлибѣ, и взявъ ихъ за руки, повелъ въ лѣсъ, который въ тотъ день былъ прекраснѣе чѣмъ когда-либо. Когда они усѣлись на густой травѣ, среди пахучихъ цвѣтовъ, г. Бракель началъ говорить:— «Милыя дѣти, у меня есть нѣчто на сердцѣ: я не могу долѣе скрывать, что я

такъ же хорошо зналъ какъ и вы неизвѣстное дитя, которое вамъ показало столько чудесъ въ этомъ лѣсу. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, оно также навѣщало меня, и играло со мною въ эти прекрасныя игры. Но какъ оно меня оставило, того я не помню, и для меня непонятно, какимъ образомъ могъ я до такой степени забыть это чудесное дитя, что не хотѣлъ вамъ вѣрить, когда вы мнѣ объ немъ рассказывали. Но съ нѣкотораго времени я живо припоминаю себѣ свое дѣтство; а вмѣстѣ съ тѣмъ является мнѣ милое, волшебное дитя, столь же

блестящее и прекрасное, какимъ вы его видѣли, и та же любовь, которую вы къ нему чувствуете овладѣла моимъ сердцемъ. Но эта любовь меня погубить! Я чувствую, что въ послѣдній разъ сижу съ вами подъ тѣнью этихъ деревьевъ; мы скоро разстанемся, дѣти! Когда я умру, слѣдуйте твердо совѣтамъ неизвѣстнаго дитяти.» Дѣти начали плакать и стенать отъ горести; «Нѣтъ, папенька,» вскричали они, «нѣтъ, ты не умрешь; ты еще долго, долго останешься съ нами, и мы будемъ всѣ вмѣстѣ играть съ неизвѣстнымъ дитятею.» Но на другой день

г. Бракель лежалъ уже боль-
ный въ постель. Пришелъ
длинный и сухой человекъ,
пощупалъ уг. Бракеля пульсъ,
и сказалъ: — «Это пройдетъ.» —
Но это не прошло, и на тре-
тій день г. Бракеля не было
уже на свѣтъ. — Ахъ! какъ пла-
кала г-жа Бракель! какъ дѣти
ломали себѣ руки! какъ они
кричали: — «Ахъ! папенька!
нашъ добрый папенька!» —
Вскорѣ послѣ того, какъ четы-
ре Бракельгеймскіе крестья-
нина схоронили своего го-
сподина, явились два гадкіе
человекъ, очень похожіе на
магистра Тинте. Они объявили
г-жѣ Бракель, что имъ было

приказано отобрать все имѣніе, потому что покойный г. Тадеусъ Бракель былъ долженъ графу Кипріану Бракелю, еще больше того, чего стоить все его владѣніе. Такимъ образомъ г-жа Бракель была доведена до крайности и принуждена оставить прекрасную деревушку Бракельгеймъ. Въ такихъ обстоятельствахъ она рѣшилась отпра-виться къ родственнику, который жилъ неподалеку, и потому связала она небольшой узелокъ бѣлья и платья; Феликсъ и Кристлиба должны были сдѣлать то же, и они вышли въ горькихъ слезахъ

изъ дому. Уже слышно было журчаніе ручья, чрезъ который имъ должно было перейти, какъ вдругъ г-жа Бракель упала безъ чувствъ отъ сильной горести. Феликсъ и Кристлиба бросились на колѣни, и кричали въ отчаяніи. «О! бѣдныямы дѣти,» говорили они, «никто не сжалится надъ нами.» Въ ту самую минуту журчаніе ручья показалось имъ пріятною музыкою; въ кустахъ раздался таинственный шелестъ, и вскорѣ лѣсъ заблесталъ чудеснымъ яркимъ свѣтомъ. Неизвѣстное дитя вышло изъ зелени; но лице его такъ сіяло, что Феликсъ

и Кристлиба принуждены были закрыть глаза. — « Не плачьте милые друзья » сказала неизвестное дитя. « Развѣ вы думаете, что я васъ разлюбило? могу ли я васъ оставить? нѣтъ, хотя вы меня и не видите, однако я всегда съ вами, и стараюсь всёми силами сдѣлать васъ веселыми и счастливыми. Помните только обо мнѣ, какъ вы то дѣлали до сихъ поръ, и ни злой Пецсеръ, ни другой какойнибудь злодѣй не можетъ васъ обидѣть.» — « О! мы тебя не забудемъ, » вскричали Феликсъ и Кристлиба: « мы любимъ тебя отъ всей души! »

Когда они открыли глаза, дитяти уже не было; но горесть ихъ облегчилась, и они почувствовали небесное удовольствіе. Г-жа Бракель также тихонько поднялась, и сказала: — «Дѣти, я видѣла во снѣ, будто вы окружены золотыми лучами, и этотъ сонъ развлекъ меня и утѣшилъ.» Глаза дѣтей блистали отъ восхищенія. Они рассказали, что имъ въ то же самое время явилось неизвѣстное дитя и утѣшило ихъ! На это мать отвѣчала имъ: «Не знаю почему я неволью вѣрю сегодня вашей сказкѣ, и почему она облегчаетъ мою печаль и заботу. Пойдемте.»

Они дружески были приняты своимъ родственникомъ: и все дѣлалось такъ какъ предсказало имъ неизвѣстное дитя. Что бы Феликсъ и Кристибани предпринимали, удавалось вполнѣ: они и мать ихъ сдѣлались веселы и счастливы, и долго въ отрадныхъ мечтахъ играли съ неизвѣстнымъ дитятею, которое показывало имъ чудеса своей родины.

ГРЫЗУНЪ ОРЪХОВЪ

И

ЦАРЕКЪ МЫШЕЙ.

THE STATE OF NEW YORK

IN SENATE

5

ГРЫЗУНЪ ОРЪХОВЪ
и
ЦАРЕКЪ МЫШЕЙ.

ВЕЧЕРЬ НАКАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

—

Дѣтямъ совѣтника Медицины Штальбаума было рѣшительно запрещено двадцать четвертаго Декабря входить въ среднюю комнату, а тѣмъ менѣе въ залъ, находившійся съ нею рядомъ. Смерклось. Фрицъ и Марія, засѣвши въ углу маленькой комнаты, начинали очень бояться, пото-

му что наканунѣ Рождества обыкновенно не подають огня. Фрицъ, разговаривая шепотомъ, открылъ за тайну младшей своей сестрѣ, (которой только что минуло шесть лѣтъ), что онъ съ самаго ранняго утра слышалъ шумъ и легкій стукъ въ запертыхъ комнатахъ; что видѣлъ маленькаго чернаго человѣка, который прошелъ чрезъ прихожую съ большимъ ящикомъ подъ рукою, и что это былъ никто иной, какъ крестный отецъ Дроссельмейеръ. — При этихъ словахъ Марія хлопнула отъ восхищенія своими маленькими ручками, и сказала:

«Ахъ! г. Дроссельмейеръ вѣрно приготовилъ для насъ что нибудь хорошенькое.»— Г-на Дроссельмейера, совѣтника Юстиціи, вовсе нельзя было назвать красавцемъ: онъ былъ малъ ростомъ и худощавъ; лице его было все въ морщинахъ; на мѣстѣ праваго глаза налѣплялъ онъ себѣ кусокъ чернаго пластыря, и сверхъ того у него не было ни одного волоса на головѣ. По этому онъ носилъ бѣлый парикъ изъ стекла, очень хитро сдѣланный. Но онъ былъ человѣкъ весьма искусный: такъ хорошо зналъ часовое мастерство, что даже самъ умѣлъ

дѣлать часы. И потому если которые иибудь изъ прекрасныхъ часовъ г. Штальбаума портились, и переставали бить, то кумъ Дроссельмейеръ приходилъ, снималъ свой стеклянный парикъ, желтый фракъ, и подвязавши синій передникъ, начиналъ копать въ часахъ вострыми инструментами, такъ что маленькой Маріи даже было отъ того больно. Но часы поправлялись; они какъ ни въ чемъ не бывало начинали ходить, бить и играть, чему всѣ въ домѣ очень радовались. Всякій разъ когда онъ приходилъ въ домъ г-на Штальбаума,

дарилъ онъ дѣтямъ какую-нибудь маленькую хорошенькую вещицу: или человѣка, который поворачивалъ глазами и дѣлалъ очень смѣшные поклоны, или табакерку, изъ которой выскакивала птичка, или чтонибудь другое. Но къ Рождеству г-нъ Дроссельмейеръ приготавливалъ всегда какую-нибудь прекрасную и хитрую вещь, которая стоила ему много трудовъ; почему родители и прятали ее на другой же день. — «Ахъ! что-то г. Дроссельмейеръ сдѣлалъ для насъ хорошаго,» сказала Марія. Фрицъ думалъ, что на этотъ разъ нельзя ничего ожи-

дать кромѣ крѣпости, въ которой будутъ учиться и маршировать взадъ и впередъ разные красивые солдаты; онъ представлялъ себѣ, что потомъ другіе солдаты захотятъ войти въ крѣпость, но гарнизонъ такъ храбро начнетъ стрѣлять, что только трескъ будетъ раздаваться. «Нѣтъ! нѣтъ!» прервала Марія, «г. Дроссельмейеръ говорилъ мнѣ про прекрасный садъ съ большимъ прудомъ; въ прудѣ будутъ плавать чудесные лебеди съ золотыми ошейниками; они очень пріятно будутъ пѣть; наконецъ явится маленькая дѣвочка, скличетъ

къ себѣ лебедей, и дать имъ конфектъ.» «Лебеди не ѣдятъ конфектъ,» сказала Фрицъ не много горячо, «и сверхъ того г. Дроссельмейеръ не можетъ сдѣлать цѣлаго сада. Да намъ и не удастся поиграть этими игрушками, не такъ ли? — у насъ ихъ тотчасъ отнимають. Я болѣе люблю подарки папеньки и маменьки: тѣ по крайней мѣрѣ остаются у насъ, и мы можемъ съ ними дѣлать, что намъ угодно.» — Дѣти ломали себѣ голову угадывая, что они на этотъ разъ получатъ. Марія утверждала, что мадемоазель Гертруда (ея большая кукла) очень измѣнилась,

что она никогда не была такъ неловка, что поминутно падаетъ, а послѣ того всегда остаются знаки на лицѣ. Кроме того, не возможно было и думать объ опрятности: сколько ее ни брани, ничто не помогало. Фрицъ увѣрялъ, что въ его конюшняхъ не доставало доброй рыжей лошадки, и что въ его войскѣ совершенно не было кавалеріи. — «Папенька это очень хорошо знаетъ,» говорилъ онъ. — Разговаривая такимъ образомъ между собою, дѣти знали, что родители купили для нихъ разные подарки, и представляли ихъ въ то время.

Старшая сестра Луиза напомнила дѣтямъ, что они не должны желать того или другаго, но должны смиренно ожидать, что имъ назначено. Маленькая Марія задумалась, а Фрицъ бормоталъ про себя: «А мнѣ все-таки хотѣлось бы рыжую лошадку и гусаровъ.» Сдѣлалось совершенно темно. Фрицъ и Марія, сидя въ своемъ углу, не смѣли сказать ни слова: имъ казалось, будто кто-то леталъ вокругъ нихъ на легкихъ крыльяхъ, и будто вдалекѣ раздавалась прекрасная музыка. Въ то же самое время послышался чистый какъ серебро звукъ:

динъ, динъ,—двери растворились настезь, и комнату освѣтиль столь яркій блескъ, что дѣти остановились отъ удивленія на порогѣ зала, и вскрикнули: «Ахъ! ахъ!»—По отецъ и мать взяли ихъ за руки, говоря: «Войдите-же, милыя дѣти, посмотрите, что дарятъ вамъ родители.»

ПОДАРКИ.

Обращаюсь къ тебѣ самому, благосклонный читатель или слушатель, Фрицъ, Теодоръ,

Эрнстъ, или какъ бы ты ни назывался, и прошу вспомнить о послѣднихъ подаркахъ, которые ты получилъ къ Рождеству. Если ты ихъ еще помнишь, то легко можешь себѣ представить радость Фрица и Маріи. Они долго стояли въ изумленіи; послѣ продолжительнаго молчанія, Марія сказала: «Ахъ! какъ это мило! Ахъ! какъ это мило!»—Фрицъ дѣлалъ множество прыжковъ, которые ему удивительно удавались. Дѣти вѣроятно вели себя очень хорошо во весь тотъ годъ, потому что имъ никогда не дарили столько прекрасныхъ вещей разомъ.

На большой елкѣ было множество золотыхъ и серебряныхъ яблоковъ; миндалины, пестрыя конфекты и другія лакомства висѣли какъ почки на деревѣ. Но всего удивительнѣе было то, что на вѣтвяхъ сотнями блестяли маленькія свѣчки, — точно звѣзды. Вокругъ дерева все было пестро и чудесно. Какихъ хорошенькихъ вещей тамъ не было! Марія видѣла прекраснѣйшія куклы, красивую маленькую посуду; но всего лучше было шелковое платье, украшенное лентами разныхъ цвѣтовъ, которое висѣло на маленькой подставочкѣ предъ са-

мыми глазами Маріи, такъ что она могла видѣть его со всѣхъ сторонъ. Марія такъ и сдѣлала, и повторяла десять разъ: «Ахъ! какое прекрасное, чудесное платье! — не ужели я его точно надѣну?» Между тѣмъ Фрицъ, проскакавъ три или четыре раза вокругъ стола, испыталъ новую рыженькую лошадку, которую онъ въ самомъ дѣлѣ нашель на столѣ. Сошедши съ нея, онъ сказалъ: — это бѣшеное животное; но для меня все равно: я съ нею скоро управлюсь.» Потомъ онъ сдѣлалъ смотръ новому эскадрону гусаровъ, которые были великолѣпно одѣты въ

алые мундиры съ золотомъ; ихъ оружіе было изъ серебра, а лошади такъ бѣлы и свѣтлы, что онѣ также казались серебряными. — Наконецъ успокоившись немного, дѣти хотѣли посмотрѣть красивыя книжки съ картинками, которыя лежали предъ ними открытыя, для того чтобы съ перваго взгляда видны были прекрасные цвѣты, пестрые человѣчки и играющія дѣти, которые были въ нихъ нарисованы такъ живо, что чуть не говорили. Дѣти только что принялись разсматривать эти чудесныя книжки, какъ колокольчикъ позвонилъ во

второй разъ; они очень знали, что тогда будетъ ихъ дарить г. Дроссельмейеръ, и побѣжали къ другому столу, который стоялъ у стѣны. Ширму, за которую его такъ долго скрывали, проворно отняли. Что они тогда увидѣли! На площадкѣ, усѣянной цвѣтами, стоялъ прекрасный замокъ со многими зеркальными окнами и золотыми башенками. Раздался звонъ: двери и окна растворились, и всѣ увидѣли, что въ комнатахъ прохаживались кавалеры и дамы, очень маленькіе, но очень нарядные. Дамы были въ платьяхъ со шлейфами,

и имѣли на головахъ перья. Средній залъ казался весь въ огонь, столько въ немъ блистало серебряныхъ люстръ; дѣти въ коротенькихъ курточкахъ и платицахъ плясали подъ звонъ колокольчиковъ. Мущина въ плащѣ изумрудоваго цвѣта часто смотрѣлъ въ окно, и снова скрывался. Самъ крестный отецъ Дроссельмейеръ, ростомъ не болѣе пальца, также являлся въ дверяхъ замка, и потомъ опять возвращался. Фрицъ, облокотясь на столъ, со вниманіемъ разсматривалъ замокъ и маленькія фигуры; наконецъ онъ сказалъ: «Г. Дрос-

сельмейеръ, позвольте мнѣ войти въ замокъ!» Совѣтникъ замѣтилъ ему, что это не возможно. Онъ былъ правъ: со стороны Фрица было довольно глупо, что онъ хотѣлъ войти въ замокъ, который со всеми своими золотыми башенками былъ ниже его. Фрицъ это понималъ. Нѣсколько времени кавалеры и дамы, прохаживались взадъ и впередъ; дѣти танцовали; человѣчекъ въ изумрудовомъ плащѣ смотрѣлъ все въ одно окно, а крестный отецъ Дроссельмейеръ являлся въ дверяхъ. Это вывело Фрица изъ терпѣнія: онъ закричалъ: «Г. Дроссель-

мейеръ, выйди хоть разъ въ другія двери.»—«Этаго нельзя любезный Фрицъ,» отвѣчалъ совѣтникъ Юстиціи. «Такъ скажи,» прибавилъ Фрицъ, «зеленому человѣчку, который такъ часто смотритъ въ окошко, чтобы онъ прошелся съ прочими.»—«И этаго нельзя,» сказалъ опять совѣтникъ Юстиціи. «Ну, пусть хоть дѣти сойдутъ внизъ,» закричалъ Фрицъ; «мнѣ хочется разсмотреть ихъ по ближе.» — «Э! ничего этаго нельзя,» сказалъ съ досадою совѣтникъ Юстиціи «механизмъ долженъ оставаться такъ, какъ сдѣланъ.» — «А! вотъ что,»

сказаль Фриць: «послушайте, крестный пашенька, если ваши маленькія нарядныя штучки, могутъ дѣлать только одно и тоже, то они не многого стоятъ, и для меня не важны. Вотъ мои гусары — дѣло другое! Они двигаются какъ я хочу: впередъ, назадъ, и не заперты въ домъ.» Говоря это, онъ побѣжалъ къ другому столу, чтобъ приказать своему эскадрону скакать туда и сюда на своихъ серебряныхъ лошадяхъ, поворачивать, рубиться, стрѣлять. Марія также тихонько отошла: и ей наскучили вѣчная прогулка и пляска куколь; но

какъ она была очень добра и кротка, то не хотѣла этаго показать г. Дроссельмейеру. Тогда совѣтникъ съ неудовольствіемъ сказалъ г. и г-жѣ Штальбаумъ: — «Эта хитрая вещь, сдѣлана не для такихъ маленькихъ глупцовъ; я возьму свой замокъ назадъ.» — Но г-жа Штальбаумъ просила его показать внутреннее устройство и чудесныя, очень искусныя колеса, которыя приводили куколь въ движеніе. Совѣтникъ разобралъ все, и потомъ снова собралъ. При этомъ онъ развеселился опять, и подарилъ дѣтямъ еще нѣсколько коричневыхъ му-

щинъ и женщинъ съ позолоченными руками, ногами и лицами. Всѣ эти фигуры, имѣли очень пріятный запахъ: такой какъ пряники; они очень понравились дѣтямъ. Луиза надѣла красивое платье, которое получила въ подарокъ: она была въ немъ очень хороша. Марія должна была также надѣть свое, но сказала, что хочетъ еще не много имъ полюбоваться: это было ей позволено. —

ЛЮБИМЕЦЪ.

—

Марія не хотѣла еще отойти отъ стола. Она замѣтила на немъ новость: гусары Фрица, отодвинутые отъ дерева, гдѣ стояли въ строю, открыли маленькаго человѣчка, который очень скромно, ожидалъ своей очереди. Наружность его имѣла свои недостатки; кромѣ того, что верхняя часть тѣла, довольно длинная и плотная, не совсѣмъ шла къ коротенькимъ ножкамъ, голова его была слишкомъ велика. Эти недостатки скрадывало

хорошее платье, которое доказывало, что онъ человекъ образованный и со вкусомъ. На немъ была гусарская куртка яркаго фіолетоваго цвѣта, со множествомъ бѣлыхъ шнурковъ и пуговицъ, такіе же панталоны—и сапоги, какихъ не носилъ иной студентъ, а можетъ быть и офицеръ: они такъ плотно сидѣли на маленькихъ ножкахъ, какъ будто нарисованные. При всемъ томъ смѣшно было видѣть, что сверхъ такаго наряда, на немъ былъ маленькій плащъ, который казался деревяннымъ, и такая шаночка, какія носятъ рудокопы.

Однако же Марія подумала, что крестный папенька ея, Дроссельмейеръ, также носилъ дрянной плащъ и некрасивую шапку, но при всемъ томъ былъ очень добръ. Она замѣтила даже, что если бы г. Дроссельмейеръ былъ также наряденъ какъ этотъ человекъ, то и тогда не былъ бы такъ хорошъ какъ онъ. Марія разсматривала малютку, который съ перваго взгляда ей понравился, и замѣтила въ лицѣ его выраженіе доброты. Пріязнь и доброжелательство сверкали въ его большихъ свѣтло-зеленыхъ глазахъ на выкатъ; а гладенькая борода изъ

бѣлой бумаги, которая украшала подбородокъ, ясные выказывала пріятную улыбку его алыхъ губъ.— «Ахъ, любезный папенька,» сказала Марія, «чей же будетъ этотъ красивый человѣчекъ» — «Онъ будетъ работать для всѣхъ васъ, милая дочь,» отвѣчала ей отецъ, «онъ будетъ грызть вамъ твердые орѣхи, и принадлежить какъ тебѣ, такъ и Луизѣ и Фрицу.» Съ этими словами, отецъ взялъ его осторожно со стола, и приподнялъ деревянный плащъ его: человѣчекъ широко разинулъ ротъ, и показалъ два ряда очень бѣлыхъ и острыхъ зубовъ.

По приглашенію отца, Марія положила туда орѣхъ; разда-лось кракъ! — и человѣчекъ раскусилъ его такъ, что щелуха разлетѣлась, а ядро упало въ руку Маріи. Тогда она узнала, что человѣчекъ былъ изъ рода грызуновъ, и занимался ремесломъ своихъ предковъ. Она вскрикнула отъ радости, и отецъ сказалъ: «Такъ какъ тебѣ, любезная Марія, очень нравится г. Щелкунъ, то я поручаю тебѣ особенно беречь и защищать его, хотя какъ я сказалъ, Луиза и Фрицъ могутъ точно такъ же употреблять его какъ и ты!» Марія взяла его тотчасъ на руки, и

дала ему грызть свои орѣхи; но она выбирала самые мелкіе для того, чтобы человѣчекъ не разѣваль свой ротъ слишкомъ широко; это его немного безобразило. Луиза присоединилась къ ней, и шелкунъ долженъ былъ служить ей своими зубами: казалось, что онъ исполнялъ это очень охотно, потому что безпрестанно улыбался. Между тѣмъ Фрицъ усталъ отъ долгаго ученья и верховой ѣзды; онъ услышалъ шелканіе орѣховъ, подекочилъ къ сестрамъ, и отъ души хохоталъ надъ маленькимъ уморительнымъ человѣчкомъ. Такъ какъ Фрицъ

тоже хотѣль орѣховъ, то грызунъ не переставаль разѣвать ротъ, и переходилъ изъ рукъ въ руки. Фрицъ даваль ему самыя большіе орѣхи, какіе только могъ выбрать. Вдругъ раздалось — кракъ — кракъ — три зуба вылетѣли изъ рта шелкуна, и вся его нижняя челюсть зашаталась и повисла. «Ахъ! бѣдный мой шелкунъ!» вскричала Марія, взявши его изъ рукъ Фрица. «Вотъ дуракъ,» сказалъ Фрицъ «хочетъ быть грызуномъ, когда у него зубы не крѣпки; онъ вѣрно не смыслить этаго дѣла. Дай его мнѣ, Марія, пусть онъ разгрызетъ мои орѣхи.

Что за бѣда, если этотъ негодяй простится съ послѣдними своими зубами, или съ цѣлою челюстью.» — «Нѣтъ, нѣтъ,» закричала Марія со слезами, «не дамъ тебѣ моего милаго шелкуна! Посмотри, какъ онъ печаленъ, и какъ жалобно показываетъ своей больной ротикъ; ты жестокій человекъ: бьешь своихъ лошадей, и приказываешь даже разстрѣливать солдатъ.» — «Это такъ должно быть: ты того не понимаешь,» сказалъ Фрицъ. «Марія, отдай мнѣ шелкуна: онъ столько же мой какъ и твой.» Марія начала сильно плакать, и завернула боль-

наго грызуна въ свой маленькой носовой платокъ. Наплачь ея пришли родители вмѣстѣ съ кумомъ Дроссельмейеромъ, который принялъ - было сторону Фрица къ большой горести Маріи. Но отецъ сказалъ: «Я отдалъ шелкуна подъ покровительство Маріи, и теперь когда онъ въ томъ нуждается, даю ей полную власть надъ этимъ маленькимъ чловѣчкомъ. Впрочемъ я удивляюсь, какъ можетъ Фрицъ требовать услугъ отъ инвалида. Какъ добрый воинъ, онъ долженъ бы знать, что раненный солдатъ не можетъ быть въ рядахъ.» Фрицъ чув-

ствоваль себя очень присты-
женнымъ, и не заботясь бо-
лѣе объ орѣхахъ и грызунѣ,
отправился на другой конецъ
стола, гдѣ расположились на
ночлегъ его гусары, выста-
вивъ какъ слѣдуетъ форпос-
ты. Марія собрала выпавшіе
зубы шелкуна; обвязала его
челюсть красивенькою бѣлою
ленточкою, которую сняла со
своего платья, и завернула
его еще лучше прежняго въ
платокъ. Она держала его на
рукахъ, и качала какъ малень-
каго дитя, разсматривая меж-
ду тѣмъ прекрасную новую
книжку съ картинками, кото-
рая также была въ числѣ про-

чихъ подарковъ. Противъ своего обыкновенія, она порядочно разсердилась, когда г. Дроссельмейеръ смѣялся и безпрестанно спрашивалъ : какъ можетъ она нѣжить такого отвратительнаго крошку? Странное сравненіе съ г. Дроссельмейеромъ, которое она сдѣлала, увидѣвъ въ первый разъ шелкуна, пришло ей на память, и она сказала очень серьезно: «Почему знать крестный папенька, были ли бы вы такъ хороши, какъ мой любимый шелкунъ, если бы такъ нарядились!» Марія совсѣмъ не понимала, отъ чего ея родители громко разсмѣя-

лись, а носъ совѣтника покраснѣлъ, и самъ онъ пересталъ смѣяться. Они конечно имѣли на то свои причины.

Ч У Д Е С А.

При самомъ входѣ въ комнату совѣтника Медицины, стоялъ у стѣны на лѣво высокій шкафъ со стеклами, въ которомъ дѣти сохраняли свои подарки. Луиза была еще очень мала, когда отецъ ея заказалъ этотъ шкафъ искусному мастеру, который вставилъ въ

него свѣтлыя стекла, и вообще устроилъ его такъ хорошо, что въ немъ все казалось лучше и блистательнѣе. На верхней полкѣ, до которой не могли достать Марія и Фрицъ, находились чудеса г. Дроссельмейера; подъ ними стояли книжки съ картинками; двѣ нижнія полки были отданы Фрицу и Маріи, которые могли туда ставить что хотѣли. Марія всегда выбирала изъ нихъ нижнюю для своихъ куколъ; а Фрицъ располагалъ свои войска на другой. Такъ случилось и въ тотъ день. Фрицъ разставилъ своихъ гусаровъ наверху; а Марія рас-

порядилась въ низу такимъ образомъ: положила въ сторону мадемоазель Гертруду; посадила свою новую разряженную куклу въ прекрасно-меблированную комнату, и по ея приглашенію пришла къ ней полакомиться. Я сказала, что комната была прекрасно меблирована: это правда! Я не знаю, любезная моя слушательница, Марія, есть ли у тебя такая же маленькая софа съ разводами, такія же маленькія стулья, чайный столикъ, а что всего важнѣе, такая же чистенькая постелька, на которой почиваютъ куклы? Все это стояло въ углу шкапа,

который былъ украшенъ пестренскими картинками. Можно себя представить, что въ такой комнатѣ мадемоазель Кларъ, новой ся кукль, было очень хорошо. Было около двѣнадцати часовъ; Дроссельмейеръ уже давно ушелъ; но дѣти не могли еще отойти отъ шкапа, какъ ни уговаривала ихъ мать лечь въ постель. — «Правда,» сказалъ Фрицъ, «бѣдняжкамъ (онъ говорилъ о своихъ гусарахъ) бѣдняжкамъ пора отдохнуть; а до тѣхъ поръ, пока я здѣсь, ни одинъ не посмѣетъ сойти съ мѣста: я это знаю.» Съ этими словами онъ ушелъ. Но Марія

просила свою мать: «Позвольте мнѣ, любезная маменька, остаться на нѣсколько минутъ: мнѣ нужно еще кое-что сдѣлать; какъ скоро я управлюсь, то сейчасъ и пойду спать.» Марія была умная, послушная дѣвочка, и потому мать позволила ей остаться. Но такъ какъ она могла слишкомъ долго замѣшкаться со своею новою куклою и прочими игрушками, и позабыть свѣчи, то мать погасила все горѣвшія вокругъ шкапа, и оставила одну лампу, которая висѣла посреди комнаты, и разливала пріятный свѣтъ. «Приходи скорѣй лю-

безная Марія; а не то ты проспишь завтра,» сказала мать, входя въ спальню. Лишь только Марія осталась одна, она поспѣшила сдѣлать то, что лежало у нея на сердцѣ, и чего она не хотѣла сказать своей матери, сама не зная почему. Больной шелкунъ былъ еще у нея на рукахъ, завернутый въ платокъ. Она положила его осторожно на столъ, развернула и осмотрѣла раны. Шелкунъ былъ очень блѣдень, но при всемъ томъ онъ такъ пріятно улыбался, что Марія была растрогана, «Ахъ! шелкунчикъ, другъ мой,» сказала она тихонько, «не

сердись на то, что братъ Фрицъ такъ обидѣлъ тебя. Солдатская жизнь сдѣлала его не много суровымъ, впрочемъ онъ очень хорошій мальчикъ, я тебя увѣряю. Я буду ухаживать за тобою до тѣхъ поръ, пока ты не выздоровѣешь. Вставить тебѣ зубы и вправить плеча, будетъ дѣло крестнаго папеньки Дроссельмейера: онъ это умѣетъ лучше меня. Не успѣла Марія произнести имя Дроссельмейера, какъ грызунъ сдѣлалъ ужасную гримасу, и глаза его засверкали. Марія очень было испугалась, но въ ту же минуту увидѣла, что лице до-

браго грызуна приняло прежній видъ: она догадалась, что свѣтъ лампы, на которую подулъ сквозной вѣтеръ, такъ обезобразилъ лице шелкуна. «Не глупа ли я, что пугаюсь такой бездѣлицы, и даже думаю, будто деревянная куколка можетъ дѣлать гримасы. Но я люблю, очень люблю Грызуна, онъ такой смѣшной, и притомъ такой добрый; по этому и должно за нимъ хорошенько ухаживать.» Съ этими словами, взяла она своего друга Шелкуна на руки, подошла къ шкапу, присѣла на корточки, и сказала своей новой куклѣ: «Я васъ прошу, мадемоазель

Клара, уступить свою постель бѣдному раненному Щелкуну, а самимъ расположиться на этой софѣ. Вспомните, что вы совершенно здоровы; щеки ваши такъ полны и румяны: къ тому же не у всѣхъ куколь есть такіе мягкіе диваны.»

Мадемоазель Клара въ своемъ праздничномъ платьѣ казалась очень гордою и скучною, и не отвѣчала ни слова. «Какъ я церемонюсь,» сказала Марія, и придвинувъ къ себѣ постельку, положила туда осторожно щелкуна; обернула его больныя плеча другою лентою, и укутала до самаго носа. «Я не хочу, чтобы

онъ лежалъ рядомъ съ неучтивою Кларою,» продолжала она, подняла постель вмѣстѣ съ лежащимъ на ней шелкуномъ, и поставила ее на верхнюю полку возлѣ самой деревни, въ которой были расположены гусары Фрица. Она затворила шкапъ, и хотѣла идти въ свою комнату, какъ вдругъ--слушайте дѣти--она замѣтила, что за печью, за стульями и за шкапомъ, кто-то тихо, тихо шевелился, скребъ, грызъ. Между тѣмъ, часы висѣвшіе на стѣнѣ, жужжали все громче и громче, но не били. Марія посмотрѣла въ ту сторону. Большая по-

золоченная сова, которая сидѣла надъ ними, спустила свои крылья, такъ что совершенно закрыла часы: она выставила впередъ свою гадкую кошачью голову съ крючкова-тымъ носомъ; жужжаніе сдѣ-лалось сильнѣе, и слышались слова: — «Часы, часы, ча-сы — жужжите тихонько, у Царька мышей хорошъ слухъ — пррбррръ — бумъ — бумъ, пойте же, пойте старую пе-сеньку — пррбррръ — бумъ, бумъ — звѣните колокольчи-ки: скоро наступитъ его ко-нецъ!» И точно! — глухо раз-далось: бумъ — бумъ — часы пробили двѣнадцать! — Марія

начала бояться: она убѣждала бы, еслибы не замѣтила крестнаго отца Дроссельмейера, который сидѣлъ на часахъ вмѣсто совы, и развѣсилъ по обѣимъ сторонамъ, какъ крылья, полы своего желтаго фрака. Она ободрилась, и громко сказала сквозь слезы: «Г. Дроссельмейеръ, г. Дроссельмейеръ, что вы тамъ дѣлаете? сойдите, и не пугайте меня!» — Но вдругъ раздался страшный свистъ и визгъ; за стѣнами была ужасная бѣготня: — казалось, что этотъ шумъ происходилъ отъ тысячи маленькихъ ножекъ; тысячи маленькихъ огоньковъ бле-

стѣли сквозь щели пола. Но нѣтъ! то были не огоньки, а сверкающіе глаза, и Марія замѣтила, что вездѣ просовывались мыши, и силились вылезть изъ-подъ полу. Вскорѣ и въ комнатѣ началась бѣготня и скачка; толпа мышей густѣла часъ отъ часу. Наконецъ онѣ выстроили фронтъ какъ Фрицовы солдаты, когда должны были идти въ сраженіе. Это показалось Маріи забавнымъ, потому что она не боялась мышей, какъ другія дѣти; страхъ ея начиналъ уже проходить, но вдругъ раздался такой рѣзкій свистъ, что у нея выступилъ холод-

ный потъ!—Ахъ! что она тогда увидѣла! — Около самыхъ ея ногъ дерево, песокъ и камни полетѣли на воздухъ, какъ будто брошенные подземною силою, и семь головъ мыши, увѣнчанныя семью блестящими діадемами поднялись изъ подъ пола со свистомъ и шипѣньемъ. Вскорѣ показалось и туловище, къ которому принадлежали всѣ семь головъ. Войско привѣтствовало большую мышъ съ семью діадемами, и пискнуло три раза. Потомъ оно двинулось, и поскакало къ шкапу, прямо на Марію, которая прижалась къ стеклянной двери. Сердце Ма-

ріи начало отъ страха такъ сильно биться, что она думала не насталь ли ея послѣдній часъ. Она отступила въ безпамятствѣ; что-то зазвѣнѣло: стекла шкапа, разбитыя ея локтемъ носыпались въ дребезги. Хотя она почувствовала сильную боль въ лѣвой рукѣ, но ей стало легче: не слышно было болѣе писку и свисту; казалось мыши, испугавшись, убрались въ свои норы. Но что за новый шумъ? Позади Маріи, въ шкапу послышалась странная тревога, и тоненькіе голоса кричали: — «Вставать! — Сражаться! — сейчасъ! — вставать! сражаться! — Въ то

же время послышался пріятный звонъ маленькихъ колокольчиковъ. — «А! это мои колокольчики» сказала радостно Марія, отойдя поспѣшно къ столу. Тутъ она увидѣла какъ все въ шкапу суетилось и хлопотало. Нѣсколько куколъ бѣгали взадъ и впередъ, и дрались своими маленькими рученками. Въ то же самое время Грызунъ сбросилъ съ себя шерстяное одѣяло, вскочилъ обѣими ногами съ постели, и крикнулъ: — «Кнакъ, кнакъ! глупый мышинной народъ, — дрянное мышинное племя, — крикъ, кракъ! —» Потомъ обнажилъ онъ свою малень-

кую шпагу, махнулъ ею по воздуху, и вскричалъ:— «Идете ли вы со мною на битву?» Въ ту же минуту три шута, панталонъ, четыре маленькіе трубочиста, два музыканта и одинъ барабанщикъ громко вскричали: — «Князь, мы твои вѣрные подданные! мы идемъ съ тобою сражаться, побѣдить или умереть!» Подражая храброму Щелкуву, который отважился на опасный скачекъ, они бросились за нимъ изъ шкапа. Имъ легко было сдѣлать это, потому что платье ихъ было изъ сукна и шелка; а тѣло набито шерстью и ватю: отъ того-то и падали они

какъ мѣшки. Но бѣдный Грызунъ навѣрное переломалъ бы себѣ руки и ноги, потому что отъ полки до полу было почти полъ-аршина, а тѣло его было такъ твердо, какъ деревянное, если бы мадемоазель Клара не бросилась прежде его со своего дивана, и не приняла бы въ свои мягкія руки героя съ обнаженнымъ мечемъ. «Ахъ! любезная, добрая Кларочка,» сказала Марія, «какъ я тебя обидѣла! ты вѣрно охотно уступила Щелкуну свою постель.» Мадемоазель Клара обняла молодаго героя, и сказала ему: «Князь вы больны, ранены — не ходите въ

сраженіе. Посмотрите съ какою радостію ваши храбрые подданные приготавливаются къ битвѣ. Шуть, панталонъ, трубочистъ, музыкантъ, барабанщикъ уже на полу: а тѣ, которые стоятъ на одной полкѣ со мною, также начинаютъ шевелиться. Оставайтесь здѣсь, князь, и смотрите на сраженіе съ моей шляпки.» Но Грызунъ отъ нетерпѣнія началъ такъ сильно махать ногами, что Клара принуждена была спустить его на полъ. Тогда онъ всталъ на одно колено, и сказалъ учтиво: «Сударыня, я никогда не забуду той благоклонности, которую вы мнѣ

оказываете!» Клара проворно сняла съ себя кушакъ, украшенный множествомъ блестящихъ; хотѣла обвязать имъ маленькаго человѣчка; но тотъ отступивъ на два шага, положилъ руку на сердце, и сказалъ очень важно: «Сударыня, не осыпайте своими милостями недостойнаго, потому. . . .» Онъ остановился, глубоко вздохнулъ, проворно сорвалъ съ плечь ленточку, которою обвязала его Марія, прижалъ ее къ губамъ, и сдѣлалъ изъ нея шарфъ. Вы вѣрно замѣтили, любезные читатели, что Грызунъ живо чувствовалъ добро, которое оказывала ему

Марія, и что изъ благодарности къ ней онъ не принялъ ленты отъ мадемоазель Клары, несмотря на то, что она очень блестяла, и была очень красива. Добрый, вѣрный шелкунъ лучше хотѣлъ украситья простою ленточкою Маріи. Но что будетъ далѣе? Лишь только спрыгнулъ грызунъ, свистъ и топотъ начались снова. Подъ большимъ столомъ кишѣло несмѣтное множество мышей, между которыми отличалась мышь о семи головахъ! — Ахъ, Боже мой, что-то будетъ далѣе!

С Р А Ж Е Н І Е .

«Барабанщикъ, бей тревогу!» закричалъ Грызунъ громкимъ голосомъ, — и барабанщикъ началъ такъ сильно бить, что стекла въ шкапу дрожали и звенѣли. Внутри его раздался сильный шумъ, и Марія увидѣла, что крышки коробокъ, въ которыхъ была сложена армія Фрица, слетѣли долой, и что солдаты выходили изъ нихъ, соскакивали на нижнюю полку, и строились въ великолѣпные баталіоны. Щелкунъ ходилъ по рядамъ, и ободрялъ войска

своими словами. «Отчего нѣтъ ни одного негодяя трубача?» закричалъ онъ въ досадѣ; но потомъ, обратясь къ панталону, который немного поблѣднѣлъ, и котораго длинный подбородокъ сильно дрожалъ, сказалъ ему торжественно: «Мнѣ извѣстна ваша храбрость и опытность; теперь все зависитъ отъ быстроты взгляда и умѣнья пользоваться временемъ. Я вамъ поручаю начальство надъ всею конницею и артиллеріею. Лошади вамъ не нужно; ваши ноги довольно длинны — вы можете на нихъ хорошо скакать. Теперь исполняйте свою обязанность.»

Панталонъ тотчасъ приложилъ свои длинные, сухіе пальцы къ губамъ, и такъ пронзительно закричалъ, что казалось будто трубятъ во сто трубъ. Въ шкапу послышалось ржаніе и топоть; Фрицовы кирасиры, драгуны и новые великолѣпные гусары вышли и остановились на полу. Тогда начали проходить мимо Щелкуна полкъ за полкомъ съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Всѣ войска построились въ нѣсколько линій поперегъ комнаты. Пушки Фрица выѣхали впередъ, окруженные канонерами; вскорѣ послышалось

бумъ, — бумъ, — и Марія увидѣла какъ сахарный горохъ надаль въ ряды мышей, и покрываль ихъ бѣлою пылью. Особенно большой вредъ нанесла имъ пряничными орѣхами тяжелая баттарей, расположенная на скамѣйкѣ Маріинной матери. Мыши тѣснили войска все болѣе и болѣе, и отбили даже нѣсколько пушекъ, какъ вдругъ раздался необыкновенный трескъ: пыль и дымъ мѣшали Маріи разглядѣть что происходило. Она видѣла только, что всѣ отряды отчаянно дрались, и что побѣда долго казалась сомнительною. Мыши развертывали

поминутно новыя войска, и ихъ маленькія серебряныя пули, которыя они очень ловко бросали, долетали уже до шкапа. Клара и Гертруда бѣгали взадъ и впередъ, и въ отчаяніи ломали руки. «Неужели я должна умереть въ такія цвѣтушія лѣта — я, самая красивая кукла?» говорила Клара. «Для того ли я такъ хорошо сохранилась, чтобы погибнуть въ этихъ четырехъ стѣнахъ!» вскричала Гертруда. Потомъ онѣ бросились другъ другу на шею, и такъ громко плакали, что слышно было среди всего этаго шума. О томъ, что тогда происходило, не може-

те вы имѣть никакого понятія, любезный читатель. Прръ, — прръ, — пуфъ, — пифъ, — дзынь, — дзынь, — бумъ, — бомъ, — бомъ! — слышенъ былъ пискливый крикъ царька мышей и его подданныхъ, и сильный голосъ Щелкуна, который отдавалъ приказанія, и самъ водилъ баталіоны въ огонь. — Панталонъ сдѣлалъ нѣсколько блистательныхъ атакъ, и покрылъ себя славою; но Фрицовыхъ гусаровъ осыпала артиллерія мышей гадкими ядрами, которыя оставляли пятна на ихъ красныхъ доломанахъ; отъ чего имъ и не слишкомъ-то хо-

тѣлось подаваться впередъ. Панталонъ скомандовалъ имъ на лѣво кругомъ; съ-горяча онъ сдѣлалъ то же, а за нимъ драгуны и кирасиры также повернули на лѣво кругомъ, и пошли домой. Баттарей, расположенная на скамѣйкѣ была отъ того въ опасности, и вскорѣ толпа гадкихъ мышей такъ сильно наскочала, что опрокинула всю скамѣйку, вмѣстѣ съ пушками и канонерами. Грызунъ былъ очень опечаленъ, и скомандовалъ правому крылу сдѣлать отступательное движеніе.

Теперь обратимся къ лѣвому крылу арміи, которое бы-

ло еще въ хорошемъ состояніи, и подавало надежду на побѣду. Въ продолженіе этой жестокой битвы, массы мышинной кавалеріи незамѣтно вышли изъ подъ комода, и бросились съ громкимъ, отвратительнымъ пискомъ на лѣвое крыло арміи Щелкуна, но встрѣтили сильное сопротивленіе. Мѣстность не дозволяла корпусу девизовъ дѣлать быстрыя движенія, и потому онъ не торопясь переправился черезъ край шкапа подъ предводительствомъ двухъ китайскихъ полководцевъ, и выстроилъ каре. Войска этаго корпуса состояли

изъ садовниковъ, тирольцевъ, татарь, парикмахеровъ, арлекиновъ, купидоновъ, львовъ, тигровъ и обезьянъ; всѣ они славно дрались. Спартанская храбрость этой отборной дружины вырвала бы побѣду изъ рукъ противниковъ, если бы отчаянный непріятельскій ротмистръ не откусилъ головы у одного изъ китайскихъ полководцевъ, который, падая, разбилъ двухъ татарь и одну мартышку. Отъ этаго ряда ихъ разорвались, и непріятель воспользовавшись тѣмъ, перегрызъ весь отрядъ. Ничто, казалось, не могло снасти арміи, которая была въ полномъ

отступленіи, и теряла множество людей. Наконецъ несчастный Щелкунъ, увидѣль себя съ небольшимъ числомъ войска отбитымъ къ самому шкапу. «Выдвинуть резервъ! — Панталонъ, скарамушъ, барабанщикъ, гдѣ вы?» — Такъ говорилъ Грызунъ, надѣясь на свѣжія войска, которыя должны были выйти изъ шкапа. Въ самомъ дѣлѣ явилось нѣсколько мушинъ и женщинъ съ золотыми лицами, въ золотыхъ шляпахъ и каскахъ; но они сражались такъ дурно, что ни разу не попали въ неприятеля, и даже чуть не сбиди шапочки со своего полко-

водца Щелкуна. Непрiятельскіе егеря вскорѣ отгрызли ноги этому войску; оно отъ того попадало, и въ добавокъ убило нѣкоторыхъ изъ окружающихъ Грызуна, который будучи тѣснимъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, хотѣлъ броситься въ шкапъ. Но его ножки были слишкомъ коротки; Клара и Гертруда лежали въ обморокъ, и не могли подать ему помощи; гусары и драгуны боззаботно неслись мимо его въ шкапъ. Тогда онъ закричалъ въ отчаяніи: «Коня! — коня! — Мое царство за коня!» — Въ ту же минуту два непріятельскихъ застрѣльщи-

ка схватили его за деревян-
ный плащъ, и царекъ мышей
прибѣжалъ съ торжествомъ.
Марія не могла болѣе выдер-
жать. «О мой бѣдный Щел-
кунь,» вскричала она со сле-
зами, и не помня что дѣлаетъ,
сняла съ лѣвой ноги башмакъ,
и бросила его изо всей силы
въ самую густую толпу мы-
шей, прямо въ ихъ предво-
дителя. Въ ту же минуту все
исчезло, Марія почувствовала
боль въ рукѣ сильнѣе преж-
ней, и упала въ обморокъ.

Б О Л Ъ З Н Ъ.

—
Когда Марія пришла въ себя послѣ обморока, то лежала въ своей маленькой постелькѣ; солнце свѣтило сквозь замерзшія стекла окна. Возлѣ нея сидѣлъ человекъ, въ которомъ она тотчасъ узнала хирурга Вендельштерна. «Вотъ она просыпается!» сказалъ онъ. Мать прибѣжала, и смотрѣла на нее съ боязливымъ видомъ. «Ахъ! любезная маменька,» прошептала Марія, «ушли ли всѣ мыши; спасень ли Щелкунъ?» «Не говори такого вздора, любезная Машенька,»

отвѣчала ей мать; «какое дѣло мышамъ до Щелкуна? . . . Ты насъ очень встревожила, негодная дѣвочка. Это происходитъ отъ того, что дѣти не слушаются своихъ родителей. Ты играла вчера со своими куклами до поздней ночи: и испугалась выбѣжавшей мыши, которыхъ впрочемъ здѣсь не замѣчали, ударилась рукою въ стекло, и такъ сильно обрѣзала ее, что г. Вендельштернъ, который только что вынулъ изъ твоей раны осколки, говорить, что если бы стекло разрѣзало жилу, ты изошла бы кровью, или не могла бы разогнуть руки. Сла-

ва Богу, что я проснулась въ двѣнадцать часовъ; не видя тебя, я побѣжала въ другую комнату, гдѣ ты лежала возлѣ шкапа безъ движенія, и вся въ крови. Я сама чуть не унала въ обморѣкъ. Вокругъ тебя валялись оловянные солдаты Фрица и другія куклы, прачничныя человѣчки; Грызунъ былъ у тебя въ рукахъ, и лѣвый башмакъ твой лежалъ не далеко.» «Ахъ! маменька, маменька,» сказала Марія, «это слѣды страшнаго сраженія мышей съ куклами. Я испугалась того, что мыши хотѣли взять въ плѣнь бѣднаго Щелкуна, который командоваль

кукольною армією, — и бросила въ мышей своимъ башмакомъ; что случилось послѣ, я не помню.» Хирургъ Вендельштернъ сдѣлалъ знакъ матери, и та сказала тихонько: «Хорошо, душенька! успокойся: мыши всѣ ушли, и Щелкунъ остался живъ и здоровъ; онъ теперь стоитъ въ шкапу.» Въ то самое время вошелъ въ комнату совѣтникъ Медицины; онъ долго разговаривалъ съ хирургомъ Вендельштерномъ, потомъ пощупалъ пульсъ Маріи, и говорилъ что-то о лихорадкѣ. Марія должна была лежать въ постели, и принимать лекарства, хотя и не чувство-

вала другой боли кромѣ порѣза руки. Она знала, что Грызунъ возвратился изъ сраженія цѣль и невредимъ, и ей казалось часто, какъ будто во снѣ, что онъ съ чувствомъ говоритъ ей: «Марія, великодушная дѣвушка, я вамъ очень благодаренъ; однако вы могли бы сдѣлать для меня болѣе!...» Марія напрасно думала, что бы это значило: она никакъ не отгадывала. Марія не могла играть, потому что ей мѣшала больная рука; а когда хотѣла читать или смотрѣть книжку съ картинками, то у нея темнѣло въ глазахъ, и она была при-

нуждена перестать: оттого время казалось ей очень скучнымъ. Съ нетерпѣніемъ ожидала она сумерекъ, потому что тогда мать садилась къ ея постели, и читала или разсказывала ей разныя исторіи. Однажды, когда мать только что кончила прекрасную исторію о принцѣ Факардинѣ, дверь растворилась, и вошелъ крестный отецъ Дроссельмейеръ. «Мнѣ хотѣлось посмотреть какова бѣдная Марія,» сказалъ онъ. Но лишь только она увидѣла его желтый фракъ, то вспомнила живо ту ужасную ночь, въ которую Шелкунъ проигралъ сраженіе противъ

мышей, и невольно вскрикнула: «Ахъ крестный папенька, какой ты былъ гадкій: вѣдь я тебя узнала, когда ты сидѣлъ на стѣнныхъ часахъ, и покрывалъ ихъ своими крыльями; что бы они не такъ громко били, и не испугали мышей; я слышала какъ ты звалъ Царька мышей. По чему не пришелъ ты на помощь къ Щелкуну? негодный крестный папенька, не ты ли одинъ виновать въ томъ, что я порѣзалась, и должна лежать въ постели?» Испуганная мать спросила Марію, что это значить, но кумъ едѣлалъ странную гримасу, и сказалъ про-

тяжно: — «Пусть маятники качаются, тикаютъ.—Пусть, часы тихо жужжать, бьютъ, звонятъ.—Качайтесь, качайтесь, —звоните, звоните: — дзинь, дингъ, дзинь, дингъ. — Маленькія дѣвочки не пугайтесь. — Колоколь пробилъ, мыши прогнаны, —сова, —гу—гу, —распустила крылья, и летитъ къ вамъ.—Пикъ—пакъ, пикъ—пакъ; звоните, колокольчики; звоните, бейте, играйте. Дзинь-дингъ, дзинь-дингъ!» Марія смотрѣла на Дроссельмейера во всѣ глаза: онъ ей казался еще безобразнѣе обыкновеннаго, и махалъ правою рукою, какъ кукла.

Она очень испугалась бы крестнаго отца, если бы мать ея не была тутъ же, и если бы Фрицъ не прокрался въ комнату, и не сказалъ ему: «Эй, крестный папенька Дроссельмейеръ, ты сегодня опять очень смѣшенъ, и дѣлаешь точно такія же гримасы какъ тотъ штукарь, котораго я давно бросилъ за печку.» Мать приняла очень серьезный видъ, и спросила: «Любезный г. совѣтникъ, что значить эта странная шутка?» «Боже мой!» отвѣчалъ со смѣхомъ Дроссельмейеръ, «развѣ вы не узнаете моей прекрасной пѣсни часовщика, которую я все-

гда пою такимъ больнымъ какъ Марія. «Говоря это, онъ сѣлъ возлѣ кровати маленькой дѣвушки, и сказалъ ей: «Не сердись на меня за то, что я не выцарапалъ у предводителя мышей всѣхъ его четырнадцати глазъ, этаго нельзя было сдѣлать. За то я обрадую тебя кое — чѣмъ другимъ.» Совѣтникъ опустилъ руку въ карманъ, и тихонько - тихонько вынулъ оттуда Щелкуна, которому онъ очень искусно вставилъ зубы, и вправилъ болѣющую челюсть. Марія вскрикнула отъ радости; а мать сказала ей съ усмѣшкою: «Видишь ли, какъ г. Дроссель-

мейеръ любить твоего Грызуна.» «Ты должна однакожь сознаться, Марія,» сказала совѣтникъ, «что шелкунъ, котораго ты такъ любишь не очень красивъ. Если ты хочешь, то я расскажу тебѣ, какъ это безобразіе сдѣлалось наслѣдственнымъ въ его семействѣ. Но можетъ быть тебѣ уже извѣстна исторія о принцессѣ Пирлипатъ, волшебницѣ Сѣрой-Мыши и искусномъ часовомъ мастерѣ.» Послушай - ка, крестный папенька,» прервалъ его Фрицъ, «зубы то ты вставилъ Шелкуну, и челюсть его болѣе не шатается; но зачѣмъ взялъ ты

у него шпагу?» «Эхъ, какое мнѣ дѣло до шпаги Грызуна!» отвѣчалъ съ досадою крестный отецъ. «Довольно того, что я его вылъчилъ; а если ему нужна шпага, такъ пусть возьметъ ее гдѣ захочетъ.» «Это правда,» сказалъ Фрицъ, «если онъ молодецъ, то съумѣетъ добыть себѣ оружіе.» «И такъ, Марія,» продолжалъ совѣтникъ Юстиціи, «скажи мнѣ, знаешь ли ты исторію о принцессѣ Пирлипатъ?» «Ахъ нѣтъ,» любезный крестный папенька!» говорила Марія, «расскажите ее, расскажите!» «Надѣюсь,» сказала совѣтница Медицины, «что ваша исторія

не будетъ такъ ужасна, какъ всѣ тѣ, которыя вы рассказываете.» «Напротивъ, госпожа совѣтница Медицины,» отвѣчалъ кумь; «то, что я буду имѣть честь вамъ рассказать, очень забавно.» «Рассказывай, любезный крестный папенька!» кричали дѣти, и совѣтникъ Юстиціи началъ такимъ образомъ:

СКАЗКА О ТВЕРДОМЪ ОРѢХЪ.

«Мать Ширлипаты была супрута короля, слѣдовательно

она была королева, а Пирли-
ната родилась принцессою.
Король не помнилъ себя отъ
радости, что у него родилась
такая хорошенькая дочка. Онъ
пѣлъ, плясалъ, скакалъ на
одной ножкѣ, и повторялъ
двадцать разъ: — «Тра-ла-ла,
есть ли на свѣтѣ что ни-
будь лучше моей Пирлипа-
тушки?» — И всѣ министры,
генералы, президенты и офи-
церы прыгали на одной нож-
кѣ, и громко кричали: — «Нѣтъ,
нѣтъ, нѣтъ!» Въ самомъ дѣлѣ
нельзя было не согласиться,
что никогда не бывало ребен-
ка красивѣе принцессы Пир-
лилаты: лице ея казалось со-

тканнымъ изъ розоваго и лилейнаго шелку; лазуревыя глаза блестяли какъ звѣзды, а золотистые ея волосы свивались въ длинные локоны. Кромѣ того Ширлипата родилась съ двумя рядами жемчужныхъ зубовъ, которыми чрезъ два часа послѣ рожденія такъ больно укусила канцлера, что тотъ не могъ утерпѣть и закричалъ. Это убѣдило всѣхъ, что она была чувствительна и умна. Я уже сказалъ, что всѣ радовались счастью короля; одна мать была печальна, безпокойна, — и никто не зналъ отъ чего. Особенно удивительно каза-

лось, что она приказывала старательно беречь люльку Пирлицаты. У дверей стояли часовые; кромѣ двухъ нянекъ, которыя сидѣли возлѣ самой люльки, шесть другихъ безвыходно находились въ комнатѣ. Но всего смѣшнѣе и непонятнѣе было то, что каждая изъ этихъ женщинъ должна была безпрестанно держать на рукахъ по коту, и гладить его день и ночь, такъ что бы онъ не переставалъ мурныкать. Вы не можете, любезныя дѣти, отгадать для чего мать Пирлицаты приняла всѣ эти предосторожности; а я это знаю, и тотчасъ раз-

скажу вамъ. При дворѣ отца Пирлипаты собралось однажды много славныхъ королей, прекрасныхъ принцевъ: по этому случаю были карусели, комедіи и балы. Король желалъ показать, что у него много золота и серебра, и потому вздумалъ одинъ разъ взять порядочную сумму изъ казны, и задать на эти деньги необыкновенный пиръ. Онъ посоветовался со своимъ главнымъ придворнымъ поваремъ, и узнавши отъ него, что по наблюденію придворнаго астронома наступило время бить скоть, заказалъ большой колбасный пиръ; а самъ бросился

въ карету, и поѣхаль приглашать всѣхъ королей и принцевъ на тарелку супу. Онъ нарочно приглашалъ ихъ только на одинъ супъ, что бы удивить неожиданностію. Потомъ сказалъ онъ королевѣ:» Ты знаешь, душенька, какъ я люблю колбасы.» Королева понимала, что онъ хотѣлъ сказать этими словами. Это значило, что она сама должна была заняться важнымъ дѣломъ приготовленія колбасъ. Государственный казначей тотчасъ представилъ на кухню большой золотой котель и серебряныя кастрюли; положили сандальнаго дерева,

развели большой огонь, и вскорѣ поднялся изъ котла благовонный паръ колбаснаго супа. Этотъ пріятный запахъ достигъ до самаго зала совѣта, и король въ восхищеніи не могъ удержаться. «Съ вашего позволенія, господа!» закричалъ онъ, бросился въ кухню, обнялъ королеву, помѣшалъ въ котлѣ, и возвратился спокойно въ совѣтъ. Это происходило въ ту важную минуту, когда сало, разрѣзанное на ломтики, должно было жарить на серебряной рѣшеткѣ. Придворныя дамы съ почтеніемъ отступили передъ королевою, которая по привя-

занности и почтенію къ своему супругу, хотѣла одна исполнить это дѣло. Но лишь только сало начало поджариваться, тоненькій, пискливый голосокъ закричалъ: «Дайте мнѣ этаго жаркаго, сестрица! Я также хочу полакомиться; вѣдь я королева!» — Королева хорошо знала, что это говорила госпожа Сѣрая-Мышь. Госпожа Сѣрая-Мышь съ давнихъ лѣтъ жила во дворцѣ короля; она утверждала, что приходится сѣродни королевской фамиліи, и что сама она королева въ мышинномъ государствѣ; по этому и помѣщалаеь она съ большою свитою подѣ

печкою. Королева была женщина добрая и милостивая, и хотя не соглашалась признать г-жу Сърую-Мышь своею родственницею, однако позволила ей полакомиться въ этотъ торжественный день, и сказала: «Выходите г-жа Сърая-Мышь, отвѣдайте моего сала!» Сърая-Мышь, тотчасъ же съ радостью выскочила, вспрыгнула на очагъ, и хватала своими маленькими лапками кусочки сала, которые подавала ей королева. Но въ то же время прибѣжали всѣ родственники Сърой-Мыши, и даже семеро ея сыновей, ужасные негодяи: они бросились на

сало, котораго испуганная королева не могла спасти отъ нихъ. Къ счастью подоспѣла оберъ-гофъ-мейстерина, и выгнала несносныхъ гостей когда еще оставалось немного сала, которое было раздѣлено на всѣ колбасы, по вычисленію придворнаго математика. Загремѣли трубы и литавры; всѣ владѣтели и принцы ѣхали на колбасный пиръ въ богатыхъ праздничныхъ платьяхъ на бѣлыхъ лошадяхъ или въ хрустальныхъ каретахъ. Король принялъ ихъ очень ласково и дружелюбно, и сѣлъ за верхній конецъ стола, съ діадемою на головѣ и жезломъ

въ рукѣ. Уже за колбасами съ печенкою замѣтили, что онъ все болѣе и болѣе блѣднѣлъ, поднималъ глаза къ небу, изъ груди его выльтали легкіе вздохи; сильная горестъ, казалось, грызла его. Но когда подали кровяные колбасы, то онъ опрокинулся на спинку кресель, закрылъ лице руками, и началъ стонать. Всѣ встали изъ-за стола. Придворный лекаръ напрасно старался ощупать пульсъ несчастнаго короля. Наконецъ послѣ долгихъ утѣшеній, послѣ употребленія сильныхъ средствъ каковы жженныя перья и тому подобное, ко-

роль, казалось, пришелъ въ себя, и пролепеталъ едва внятныя слова: «Ужасно мало сала!» Королева со слезами бросилась къ ногамъ, и говорила: «О, мой несчастный супругъ! какое страшное мученье должны вы терпѣть! Но виновная у ногъ вашихъ. Накажите ее, жестоко накажите. Увы! госпожа Сѣрая-Мышь со своими семью сыновьями, кузинами, родственниками, поѣли все сало, и» — При этихъ словахъ королева упала въ обморокъ; а король вскочилъ въ гнѣвъ, и закричалъ: «Оберъ-гофъ-мейстераина, какъ это случилось?» Оберъ-гофъ-мей-

стерина рассказала все, и король рѣшился отомстить Сьрой-Мыши и ея семейству, которыя поѣли сало изъ колбасъ. Быль собранъ тайный совѣтъ, въ которомъ рѣшили предать виновную суду, и конфисковать все ея имѣніе; но такъ какъ король думаль, что они могутъ снова съѣсть его сало, то дѣло было предложено придворному часовыхъ дѣль мастеру и арканисту. Этотъ человекъ назывался такъ же какъ и я Христіанъ Эліасъ Дроссельмейеръ, и обѣщаль на всегда изгнать изъ дворца г-жу Сьрую-Мышь съ семействомъ.

Для этаго онъ изобрѣлъ маленькую машину, въ которой на ниточкѣ висѣлъ кусокъ сала. Такими машинами оставили жилище г-жи Сѣрой-Мыши. Сама она была очень умна, и потому угадала хитрость Дроссельмейера; но всѣ ея совѣты и предостереженія не могли спасти ея семи сыновей и многихъ изъ родственниковъ. Только что они дотрогивались до сала, позади ихъ опускалась доска, и они были пойманы; потомъ ихъ отправляли въ кухню на позорную казнь. Г-жа Сѣрая-Мышь съ остаткомъ своей родни покинула это ужасное мѣс-

то. Злоба, отчаяніе, мщеніе овладѣли ея душою. Удаленіе Сѣрой-Мыши обрадовало весь дворъ; но королева безпокоилась: она знала Сѣрую-Мышь и была увѣрена, что та непременно отомститъ за смерть своихъ родственниковъ. Г-жа Сѣрая-Мышь въ самомъ дѣлѣ явилась, когда королева готовила для короля соусъ изъ печенки, который онъ очень любилъ. «Сыновья мои,» — сказала она, «кузины и всѣ родственники убиты: берегись же, королева, чтобы Сѣрая - Мышь не разгрызла на двое твою принцессу;—берегись!» Послѣ того она снова

скрылась, и болѣе уже не показывалась. Но королева до того испугалась, что опрокинула соусъ въ огонь. Такимъ образомъ г-жа Сѣрая-Мышь испортила королю во второй разъ любимое кушанье, за что онъ очень сердился. Однако же довольно на сегодняшній вечеръ; остальное доскажу въ другой разъ.

Сколько Марія ни просила крестнаго отца Дроссельмейера продолжать исторію, онъ не соглашался; но вскочилъ, и сказалъ: «Слишкомъ много въ одинъ разъ — не здорово; остальное услышите завтра.» Въ то самое время какъ со-

вѣтникъ Юстиціи хотѣлъ выдти изъ комнаты, Фрицъ спросилъ его: «Послушай-ка крестный папенька, точно ли правда, что ты выдумалъ мышеловки?» «Какъ можно спрашивать такія глупости,» сказала мать; но совѣтникъ Юстиціи усмѣхнулся очень странно, и сказалъ тихо: «Неужели я не могу выдумать мышеловокъ, вѣдь я искусный часовой мастеръ.»

ПРОДОЛЖЕНІЕ СКАЗКИ О ТВЕРДОМЪ
ОРЪХЪ.

Теперь вы знаете, любезная дѣти, продолжалъ разсказывать Дроссельмейеръ, зачѣмъ королева приказала такъ неусыпно беречь прекрасную принцессу Ширлилату. Не должна ли она была бояться, что госпожа Сѣрая-Мышь исполнитъ свою угрозу, и заѣсть до смерти маленькую принцессу. Машинны Дроссельмейера были не опасны для умной и догадливой госпожи Сѣрой-Мыши, и королевскій астрономъ объявилъ, что одно

только семейство кота Мурныки можетъ спасти принцессу отъ злобы Сѣрой-Мыши! Для того-то каждая нянька и должна была держать на рукахъ молодаго кота изъ этаго рода, и безпрестанно гладить его, что бы хоть нѣсколько облегчить трудную службу, за которую впрочемъ всѣ они были пожалованы въ тайные легаціонные совѣтники.

Однажды въ полночь проснулась одна изъ двухъ главныхъ нянекъ, которая сидѣла около самой люльки. Вокругъ нея все спало; — не слышно было мурныканья; — одно пѣніе кузнечика раздавалось въ

этой глубокой тишинѣ. — Но каковъ былъ ужасъ главной няньки, когда она увидѣла возлѣ себя гадкую мышь, которая стояла на заднихъ лапахъ, и положила свою мерзкую голову на лице принцессы? Нянька вскочила съ крикомъ: всѣ пробудились: но въ ту же минуту Сѣрая-Мышь (это была она) бросилась въ уголъ комнаты: легаціонные совѣтники за нею; но было уже поздно — она скрылась въ щель пола. Пирлипата проснулась отъ этаго шума, и горько плакала. «Слава Богу! она еще жива!» вскричала нянька. Но что сдѣлалось съ

ними, когда онъ увидѣли какъ
измѣнилась принцесса. Въ-
сто ангельской головки съ
бѣленькими и румяными щеч-
ками, торчала безобразная
толстая голова на крошечномъ
и искривленномъ туловищѣ;
голубые глаза получили зе-
леноватый цвѣтъ, выкатились
и сдѣлались неподвижны; а
ротъ растянулся до ушей. Мать
чуть не умерла съ отчаянія;
а король такъ сильно бился
головсю объ стѣну, что его
кабинетъ должно было обить
мягкими обоями. «О, я не-
счастный!» кричалъ онъ въ
горести. Хотя онъ и могъ то-
гда видѣть, что лучше было бы

ѣсть колбасы безъ сала, и не беспокоить госпожу Сѣрую-Мышь; однако сложилъ всю вину на придворнаго часовщика и арканиста Христіана Эліаса Дроссельмейера, и отдалъ мудрое приказаніе, что бы Дроссельмейеръ въ теченіе двухъ мѣсяцовъ привелъ принцессу Пирлипату въ прежнее состояніе; или по крайнѣй мѣрѣ указалъ вѣрный способъ какъ это сдѣлать; въ противномъ случаѣ онъ подвергался позорной казни. Механикъ не мало испугался; однако надѣялся на свое искусство и счастье, и тотчасъ принялся за дѣло, которое ка-

залось ему полезнымъ. Онъ очень искусно разобралъ принцессу Пирлипату; отвинтилъ ей руки и ноги, и разсмотрѣлъ внутреннее ея строеніе; но къ величайшей своей горести узналъ, что Пирлипата будетъ дѣлаться все безобразнѣе и безобразнѣе. Онъ собралъ осторожно принцессу, и сколько ни думалъ, сидя у ея люльки, отъ которой не смѣлъ отходить, но не могъ ничего выдумать. Прошла послѣдняя недѣля, и наступилъ роковой день: — король вошелъ со сверкающими отъ гнѣва глазами, и грозя своимъ жезломъ, закричалъ: «Христіанъ Эліасъ

Дроссельмейеръ, вылечи принцессу, или готовься умереть!» Дроссельмейеръ горько плакалъ; а принцесса Ширлипата весело грызла въ то время орѣхи. Въ первый разъ замѣтилъ механикъ, что принцесса необыкновенно любить орѣхи; онъ вспомнилъ также, что она родилась на свѣтъ съ зубами. Въ самомъ дѣлѣ принцесса до тѣхъ поръ кричала послѣ своего превращенія, пока ей не дали орѣховъ. Она тотчасъ начала ихъ грызть и успокоилась. Дроссельмейеръ просилъ позволенія поговорить съ придворнымъ астрономомъ. Когда его отвели къ

нему подь сильною стражею, то друзья обнялись со слезами; они заперлись въ особой комнатѣ, справлялись со многими книгами, и провели ночь въ наблюденіи звѣздъ; наконецъ они увидѣли ясно, что принцесса, для полученія прежней красоты, должна съѣсть сладкое ядро орѣха кратакука.

На орѣхѣ кратакукѣ была такая твердая скорлупа, что сорока-восемифунтовая пушка могла переѣхать, не раздавивши его. Но этотъ орѣхъ долженъ былъ принести Пирлипатъ человекъ, который никогда не брился, и не носилъ

и астрономъ были уже пятнадцать лѣтъ въ дорогъ, и не могли открыть ни малѣйшаго слѣда орѣха кратакука. Слишкомъ долго было бы рассказывать ихъ приключенія: я скажу только, что наконецъ Дроссельмейеръ почувствовалъ сильное желаніе увидѣть свой отечественный городъ Нюрнбергъ. Это желаніе овладѣло имъ въ то время, когда онъ курилъ табакъ со своимъ другомъ въ какомъ-то большомъ лѣсу въ Азій. «О, прекрасная моя родина, Нюрнбергъ! — прекрасный городъ! кто тебя не видалъ, тотъ многого не чувствовалъ, если

бы даже и видѣлъ Лондонъ, Парижъ и Петервардейнъ; онъ долженъ сохранить желаніе побывать въ тебѣ, о Нюрнбергъ, прекрасный городъ, въ которомъ есть прекрасные дома съ окошками!» — Астрономъ услышалъ жалобы Дроссельмейера, и имъ овладѣла глубокая горестъ; онъ началъ стонать такъ громко, что это было слышно въ цѣлой Азіи; но онъ скоро ободрился, утеръ свои слезы, и спросилъ: «Для чего же стонать намъ здѣсь, почтенный товарищъ? Для чего не отправиться въ Нюрнбергъ: не все ли равно гдѣ ни искать этотъ проклятый орѣхъ»

сапоговъ; онъ долженъ разкусить его предъ принцессою, и подать ей ядро, зажмурявши глаза, которые могъ открыть, только тогда, какъ отойдетъ задомъ семь шаговъ не спотыкаясь. Король съ радостію выслушалъ это предложеніе, и приказалъ немедленно отыскать орѣхъ и того человѣка, который могъ представить его Пирлипатъ. Но услышавъ, что этаго не возможно тотчасъ сдѣлать, онъ съ-горяча чуть не велѣлъ казнить Дроссельмейера, и помиловалъ только потому, что въ тотъ день былъ очень весель. И такъ онъ позволилъ

механику вмѣстѣ съ астрономомъ ѣхать отыскивать орѣхъ-кратакукъ, который долженъ возвратитъ принцессѣ Ширлипатѣ прежнюю красоту. Здѣсь совѣтникъ Юстиціи снова остановился, обѣщая остальное разсказать въ слѣдующій вечеръ. —

ЗАКЛЮЧЕНІЕ СКАЗКИ О ТВЕРДОМЪ
ОРѢХЪ.

На слѣдующій вечеръ, лишь только подали свѣчки, явился крестный отецъ Дроссельмейеръ. Онъ началъ разсказъ свой съ того, что механикъ

щелкаль языкомъ , и говорила: «гмъ,— гмъ,— и,— эй,— о,— тфу пропасть!» Наконецъ онъ кинуль вверхъ парикъ и шапку; крѣпко обняль двоюроднаго брата, и закричалъ: «Братецъ, братецъ, вы спасены! Если я не обманываюсь, то этотъ чудесный орѣхъ находится у меня!» Съ этими словами онъ открыль коробку, изъ которой вынулъ вызолоченный орѣхъ посредственной величины. «Вотъ исторія этаго орѣха,» сказала онъ , показывая его своему двоюродному брату. «Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ однажды обь Рождествѣ

пришелъ сюда иностранецъ съ мѣшкомъ орѣховъ, которые онъ хотѣлъ продавать. Противъ самой моей лавки, завязалась съ нимъ драка: онъ сложилъ мѣшокъ на землю, чтобы лучше защищаться отъ продавцовъ орѣховъ, которые не хотѣли, чтобы иностранецъ перебивалъ ихъ торговлю. Въ ту самую минуту тяжело нагруженный возъ перѣхалъ черезъ мѣшокъ, и раздавилъ всѣ орѣхи, кромѣ одного, который незнакомецъ отдалъ мнѣ со странною улыбкою за серебряную монету 1720 года. Обстоятельства этой покупки были необыкновенны:

кратакукъ!» «Точно,» отвѣчаль утѣшенный Дроссельмейеръ. Въ то же время они встали; выколотили свои трубки, и пошли изъ лѣсу, который находился посреди Азіи, прямо въ Нюрнбергъ. Едва они туда прибыли, какъ Дроссельмейеръ поспѣшилъ къ своему двоюродному брату, котораго онъ много лѣтъ не видалъ. Братъ этотъ дѣлалъ куклы, лакировалъ и золотилъ разныя вещи, и назывался Христофъ Сахаріасъ Дроссельмейеръ. Нашъ механикъ разсказалъ ему всю исторію о принцессѣ Пирлипатъ, г-жѣ Сьрой-Мыши, и твердою орѣ-

хъ; при каждомъ словѣ его двоюродный братъ хлопалъ руками, и говорилъ: — «Какая странная вещь, братецъ!» — Дроссельмейеръ продолжалъ рассказъ о приключеніяхъ во время своего дальнаго путешествія, какъ онъ провелъ два года у Финиковаго короля; какъ былъ изгнанъ минадальнымъ королемъ; какъ напрасно совѣтовался съ обществомъ естество-испытателей въ землѣ Бълокъ; короче, какъ ему не удавалось найти орѣхъ кратакукъ. Въ продолженіе этаго рассказа Цахаріасъ часто перебиралъ пальцами, вертѣлся на одной ногѣ,

Сынъ двоюроднаго брата въ самомъ дѣлѣ былъ пригожій дѣтина, и никогда не носилъ сапоговъ. Объ Рождествѣ щеголялъ онъ въ красивомъ аломъ платьѣ, шитомъ золотомъ, при шагѣ, со шляпою подъ рукою, и носилъ прекрасную прическу съ кошелькомъ. Въ такомъ блестящемъ нарядѣ, становился онъ посреди лавки своего отца, и грызъ изъ учтивости молодымъ дѣвушкамъ орѣхи: по этому его и называли красивымъ грызунчикомъ. На слѣдующее утро астрономъ бросился механику на шею, и вскричалъ: «Это онъ! — мы его нашли!

Должно только не терять изъ виду двухъ вещей, любезный товарищъ: во первыхъ, прикрѣпить къ затылку вашего племянника толстую деревянную косу, которая сообщалась бы съ нижнею челюстью, чтобы можно было поднимать и опускать ее; во вторыхъ, пріѣхавши въ столицу, не разглашать нашей тайны. Я прочиталъ по звѣздамъ, что когда нѣсколько человѣкъ обломаютъ себѣ зубы объ орѣхъ кратакукъ, тогда король отдастъ принцессу замужъ за того, кто возвратитъ ей красоту, — и въ приданое дастъ цѣлое королевство.» — Когда

я нашель въ своемъ карманѣ именно такую монету, какую требоваль купецъ. Въ послѣдствіи я вызолотилъ орѣхъ, и сохранилъ его, самъ не зная почему цѣнилъ его такъ высоко.» —

Все сомнѣнія на счетъ орѣха исчезли, когда придворный астрономъ снялъ позолоту, подъ которою онъ ясно прочелъ на скорлупѣ слово: *кратакукъ* написанное китайскими буквами. Радость путешественниковъ была неописанна, и механикъ Дроссельмейеръ объявилъ своему двоюродному брату, что онъ кромѣ большой награды, будетъ получать даромъ золото для своихъ работъ. Ме-

ханикъ и астрономъ хотѣли уже лечь спать, но вдругъ послѣдній сказалъ первому: «Любезный товарищъ, одна удача всегда ведетъ за собой другую! Миѣ кажется, что мы нашли не только орѣхъ кра-такукъ, но и человѣка, который долженъ его разгрызть, и возвратить красоту принцессѣ. Я говорю о сынѣ вашего двоюроднаго брата. Нѣтъ,» продолжалъ онъ въ восторгѣ «эту ночь я не буду спать; а займусь составленіемъ гороскопа молодаго человѣка.» Сказавши это онъ сдернулъ со своей головы колпакъ, и принялся наблюдать звѣзды.

цессъ. Послѣ этаго зажмурилъ онъ глаза, и началъ отходить задомъ. Ширлицата скушала ядро, и — о чудо! — безобразіе ея исчезло. Лице ея снова казалось сотканнымъ изъ лилій и розъ; лазуревые глаза заблестали, волосы свились въ золотые локоны. Загремѣли трубы и литавры; король и весь его дворъ плясали на одной ножкѣ, какъ при рожденіи Ширлицаты; а королева была въ такомъ восхищеніи, что отъ радости упала въ обморокъ.

Ужасная суматоха не помѣшала молодому Дроссельмейеру отступить на семь

шаговъ. Но въ ту самую минуту, какъ онъ поднялъ правую ногу, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ, наступилъ онъ на г-жу Сѣрую-Мышь, которая вылѣзла съ отвратительнымъ нискомъ изъ-подъ пола, и въ то же мгновеніе несчастный молодой человекъ сдѣлался также безобразенъ, какъ была принцесса Пирлипата. вмѣсто косы, висѣлъ деревянный плащъ, который приводилъ въ движеніе его нижнюю челюсть. Госпожа Сѣрая-Мышь, окровавленная, въ смертельныхъ мученіяхъ кричала: «О, проклятый твердый орѣхъ, ты по-

Дроссельмейеръ и астрономъ объявили въ столицѣ, что они нашли славный твердый орѣхъ, то явилось множество людей, между прочими и принцевъ, которые, полагаясь на крѣпость своихъ зубовъ, хотѣли возвратить красоту принцессѣ. Они пугались не мало, видя крошечное туловище съ уродливою головою, которой безобразіе еще увеличивалось бородою, похожею на хлопчатую бумагу. Не одинъ хватикъ въ башмакахъ ломалъ свои зубы и челюсти надъ орѣхомъ, и уходилъ почти безъ памяти отъ боли, говоря: «Ахъ, какой

твердый орѣхъ!» Наконецъ, когда король, приведенный въ отчаяніе, торжественно обѣщаль руку своей дочери и цѣлое королевство за ней въ приданое тому, кто возвратитъ ей красоту, явился прекрасный юноша Дроссельмейеръ, и просилъ позволенія попытаться разгрызть орѣхъ. Поклонившись почтительно королю и королеви, онъ взялъ орѣхъ изъ рукъ оберъ-церемоніймейстера; положилъ его въ ротъ; потянулъ сильно за косу, и въ два приѣма разгрызъ скорлупу; потомъ ловко очистилъ ядро, и вѣжливо шаркнувъ, передалъ его прин-

губиль меня! — Но и грызунъ также умереть, мой сынъ отомститъ ему.--О, милая жизнь, — пріятная жизнь, я должна съ тобою разстаться! — Смерть — смерть! — Квикъ!» — Съ этимъ звукомъ госпожа Сѣрая-Мышь умерла: придворный истопникъ выкинулъ тѣло ея за окошко. — Принцесса вскрикнула отъ ужаса, увидя безобразіе Дроссельмейера. Король сильно разгнѣвался зато, что ему предложили въ зятя шелкуна, и приказалъ выкинуть его за дверь. Вся вина пала на механика и астронома; они были навсегда изгнаны изъ столицы. Ничего эта-

го не угадалъ астрономъ, когда наблюдалъ звѣзды въ Нюрнбергѣ; однако же онъ еще предсказалъ, что Дроссельмейеръ, не смотря на свое безобразіе сдѣлается принцемъ и королемъ; но будетъ до тѣхъ поръ отвратителенъ пока не убьетъ царька мышей о семи головахъ, сына Сѣрой-Мыши. Говорятъ, что послѣ того дѣйствительно видѣли молодаго Дроссельмейера, хотя еще и въ видѣ шелкуна, но уже въ одеждѣ принца! — Вотъ вамъ, любезныя дѣти, сказка о твердомъ орѣхѣ: теперь вы знаете отъ чего грызуны всегда такъ бе-

зобразны. Марія говорила, что принцесса Пирлината была неблагодарна; а Фрицъ утверждалъ напротивъ того, что если Щелкунъ молодецъ, то онъ не будетъ церемониться съ царькомъ мышей, и снова сдѣлается красавцемъ. —

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Марія была принуждена пролежать въ постели почти цѣлую недѣлю. Но наконецъ здоровье ея поправилось, и она могла прыгать по комнатамъ такъ же весело какъ прежде.

Въ шкапу со стеклами стояли новые деревья, цвѣты, домики и красивыя куклы. Прежде всего Марія увидѣла, своего любезнаго Щелкуна, который улыбался ей, стоя на второй полкѣ, и показывалъ свои здоровыя зубы. Исторія Щелкуна и вражды его съ Сѣрою-Мышью и сыномъ ея пришла ей на память; она подумала, что Грызунъ, не кто иной какъ молодой Дроссельмейеръ изъ Нюрнберга, а придворный механикъ — ея крестный отецъ. Умная Марія, обдумывая все это, ни сколько не сомнѣвалась въ томъ, что Щелкунъ и его поддан-

ные должны дѣйствительно жить и двигаться, потому что она представляла ихъ себѣ живыми: хотя въ шкапу все было неподвижно, однако Марія твердо была увѣрена, что причиною тому колдовство госпожи Сѣрой-Мыши и ея семи-головаго сына. «Милый господинъ Дроссельмейеръ,» говорила Марія, «я знаю, что вы меня понимаете, хотя и не можете ни шевелиться, ни говорить; но надѣйтесь на меня, если я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезною. По крайней мѣрѣ я попрошу вашего дядюшку, что бы онъ пособилъ вамъ своимъ искусствомъ. »

Щелкунъ не шевелился; но Марія услышала, пріятный голосъ, который отвѣчала ей: «Марія, мой ангельчикъ Марія, я вашъ!»

Вечеромъ во время чая, Марія сидѣла въ своихъ маленькихъ креслахъ у ногъ г-на Дроссельмейера. Она посмотрѣла на него пристально своими прекрасными голубыми глазами, и сказала: «Я знаю теперь, любезный крестный папенька, что грызунъ твой племянникъ Дроссельмейеръ изъ Нюрнберга; но тебѣ извѣстно, что онъ ведетъ войну съ негоднымъ царькомъ мышей, за чѣмъ же ты ему не помо-

жешь?» Марія рассказала всю исторію сраженія. Смѣхъ матери и Луизы часто прерывали ее. Только Фрицъ и Дроссельмейеръ были серьезны. «Откуда беретъ она этотъ вздоръ,» сказалъ совѣтникъ Медицины. «Это она видѣла во снѣ,» отвѣчала мать. «Вздоръ! закричалъ Фрицъ; мои красные гусары не трусы; задалъ бы я имъ перцу если бы они трусили. Дроссельмейеръ взялъ маленькую Марію на колѣна, и сказалъ ей ласково: «Только ты одна можешь помочь Щелкуну, котораго мышиный царекъ вездѣ преслѣдуетъ; но это будетъ тебѣ

очень трудно: будь же постоянна и тверда.» Слова г. Дроссельмейера показались столь странными совѣтнику Медицины, что онъ взялъ своего кума, руку пощупалъ у него пульсъ и сказалъ: «У васъ сильный приливъ крови къ мозгу, почтенный другъ мой; я вамъ пропишу что нибудь.» Совѣтница Медицины покачала въ раздумьи головою, и примолвила: «Я догадываюсь, что хочетъ сказать г. совѣтникъ Юстиціи, но не могу того выразить.»

П О Б Ъ Д А.

Въ одну прекрасную ночь Марія пробудилась отъ страннаго шума. «Ахъ мыши, опять мыши!» Закричала она испугавшись, и хотѣла разбудить свою мать; но отъ страха не могла пошевелиться, особенно когда увидѣла сверкающія глаза царька мышей, который однимъ прыжкомъ очутился на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ возлѣ ея постели. «Маленькая дѣвочка,» пищала мышь, «отдай мнѣ свои конфеты и пирожки, или я загрызу Щелкуна.» Она скрыш-

нула зубами, и убѣжала въ свою пору. На утро Марія была очень блѣдна, и такъ встревожена, что не могла ничего говорить. Сто разъ хотѣла она сказать матери или Луизѣ или хотя Фрицу что съ нею случилось; но боялась, что ей никто не повѣритъ, и еще сверхъ того надъ нею же будутъ смѣяться. Но она очень хорошо понимала, что для спасенія Щелкуна должно было отдать конфекты и пирожки: по этому и положила съ вечера все, что у нея было, на край шкапа.

На другой день мать ея говорила: «Не знаю откуда являются у насъ мыши, дружекъ

мой; въ эту ночь онѣ съѣли
всѣ твои лакомства.» Марія
объ нихъ не жалѣла; она вну-
тренно радовалась тому, что
спасла грызуна. Но что съ
нею сдѣлалось въ слѣдующую
ночь, когда она услышала сно-
ва свистъ надъ самымъ ухомъ,
и увидѣла парька мышей, ко-
торый ей сказалъ: «Малень-
кая дѣвочка, отдай мнѣ всѣ
свои сахарныя куклы, иначе
я стрызу Шелкупа,» и опять
убѣжалъ. Слезы навернулись
на глазахъ Маріи, когда она
на другой день подошла къ
шкапу, и смотрѣла на свои
сахарныя куклы. Да какъ мож-
но было и не печалиться: у

нея отнимали такія прекрасныя куколки! Она посмотрѣла на Щелкуна, и сказала: «Ахъ, любезный господинъ Дроссельмейеръ! Это ужасно! Но я все готова сдѣлать для васъ!» Щелкунъ имѣлъ очень плаксивый видъ: казалось, будто всѣ семь пастей царька мышей были уже разинуты, чтобы его проглотить. Марія перецѣловала всѣ свои сахарныя куклы, и поставила ихъ на край шкапа. «Нѣтъ, это ужъ слишкомъ,» вскричала на другое утро совѣтница Медицины, »вѣрно какая нибудь гадкая мышь посяблилась въ шкапу, потому что всѣ сахарныя

куколки Маріи обглоданы и изгрызены.» Хотя Марія и не могла удержаться отъ слезъ, однако же вскорѣ утѣшилась, вспомнивъ, что спасла Щелкуна.

Вечеромъ совѣтникъ Медицины очень жаловался на мышей, которыя съѣли всѣ лакомства Маріи. «У булочника,» сказалъ Фрицъ со смѣхомъ, «есть отличный сѣрый легаціонный совѣтникъ, я принесу его. Онъ отгрызетъ головы всѣмъ мышамъ, даже самой госпожѣ Сѣрой-Мыши или ея сыну, царьку мышей.» «Твой совѣтникъ,» продолжала мать со смѣхомъ начнетъ скакать по

стульямъ, по столамъ, и пере-
бьетъ все стаканы и чашки.»
«О нѣтъ,» отвѣчала Фрицъ,
«этотъ легаціонный совѣтникъ
очень ловкій малый, и чудес-
но ходить по крышкамъ.» «Ко-
нечно,» сказала совѣтникъ
Медицины, «Фрицъ правъ;
однако не лучше ли поставить
мышеловку; развѣ у насъ ихъ
нѣтъ?» «Крестный папенька
Дроссельмейеръ дѣлаетъ, вѣдь
онъ ихъ и выдумалъ,» ска-
зала Фрицъ. Все засмѣялись:
совѣтникъ Юстиціи въ са-
момъ дѣлѣ приказалъ прине-
сти со своей квартиры пре-
красную мышеловку.

Ночью проклятый царекъ

мышей опять посѣтилъ Марію; онъ влезъ къ ней на плеча, и сказалъ на ухо: «Если ты не отдашь мнѣ всѣхъ своихъ книжекъ съ картинками, всѣхъ прекрасныхъ платьевъ, то не увидишь болѣе своего Шелкуна.» На другое утро Марія была блѣдна и разстроена; мать утѣшала ее, говоря: «Песносная мышь не попала въ мышеловку, но будь спокойна, любезная дочь, мы ее скоро выживемъ. Если не поможетъ мышеловка, то я велю принести легаціоннаго совѣтника.» Лишь только Марія осталась одна, то пошла къ шкапу, и со слезами сказала Шелкуну:

«Ахъ, добрый г. Дроссель-
мейеръ, что могу я, бѣдная
дѣвушка, сдѣлать для васъ?
Если я отдамъ царьку мышей
свои картинки и хорошенькія
платья, что бы онъ васъ не съ-
ѣлъ, то онъ послѣ будетъ тре-
бовать, чегонибудь другаго,
и наконецъ захочетъ сгрызть
меня-самую вмѣсто васъ! Что
же мнѣ дѣлать?» Между тѣмъ
какъ Марія такимъ образомъ
плакала и жаловалась, замѣ-
тила она, что у Щелкуна по-
явилось кровавое пятно на
шеѣ. Она вынула его изъ шка-
па, и начала стирать это пятно
платкомъ. Но какъ удивилась
она, когда почувствовала, что

Шелкунъ отогрѣвается въ ея рукахъ, и начинаетъ шевелиться. Проворно поставила она его снова на полку. Тогда ротикъ его закачался, и онъ съ трудомъ пробормоталъ: «Сколько я вамъ обязанъ, добрая демоазель Штальбаумъ! Не отдавайте за меня ни платьевъ своихъ, ни картинокъ; достаньте мнѣ только шпагу, шпагу—и пустите меня: я самъ...» Тутъ онъ остановился, и глаза его, которые блистали выраженіемъ печали, снова сдѣлались неподвижны и мертвы. Марія не чувствовала ни малѣйшаго страха; напротивъ того она

запрыгала отъ радости узнавши средство спасти Щелкуна безо всякаго пожертвованія. Но гдѣ взять шнагу для малютки? Марія рѣшилась посоветоваться съ Фрицомъ, который при томъ болѣе задумался, нежели тогда, когда она донесла ему, что его гусары худо дрались въ сраженіи. Онъ еще разъ спросилъ точную ли правду она тогда говорила, и Марія увѣрила его въ томъ. Онъ быстро подошелъ къ шкапу; произнесъ сильную рѣчь своимъ гусарамъ; а въ наказаніе, отрѣзалъ у нихъ султаны, и запретилъ въ продолженіе цѣ-

лаго года играть маршъ гвардейскихъ гусаровъ. Окончивъ это, обратился онъ снова къ Маріи, и сказалъ: «Что же касается до шпаги, то я могу помочь этому горю: я уволилъ вчера въ отставку стараго кирасирскаго полковника, которому теперь не нужно оружіе.» Этотъ полковникъ спокойно жилъ своею пенсіею въ самомъ уголку на третьей полкъ. Его вытащили оттуда; взяли у него красивую серебряную саблю, и привѣсили ее Щелкуну.

Въ слѣдующую ночь Марія не могла спать отъ сильнаго безпокойства. Въ полночь она

услышала въ соседней комна-
тѣ странный шумъ. Вдругъ
раздалось — квикъ! «Царекъ
мышей, царекъ мышей!» вскри-
чала Марія въ испугъ, и вско-
чила съ постели. Но все утих-
ло. Вскорѣ кто - то легонько
постучался: по тоненькому го-
лоску Марія узнала Щелкуна,
который просилъ ее отпереть
дверь; она встала, и проворно
отворила. За дверью стоялъ
Щелкунчикъ съ окровавлен-
нымъ мечемъ въ правой, и
восковою свѣчкой въ лѣвой
рукѣ: лишь только увидѣлъ
онъ Марію, то всталъ на ко-
лѣно, и сказалъ: «Сударыня!
вы внушили мнѣ рыцарскую

храбрость; вы придали мнѣ силы наказать дерзкаго, который осмѣлился не уважить васъ. Побѣжденный царекъ мышей плавааетъ въ своей крови! Примите, сударыня изъ рукъ вашего покорнѣйшаго слуги трофей побѣды!» Сказавъ это, онъ подаль ей семь золотыхъ діадемъ царька мышей, которыя были у него въ рукъ. Марія приняла ихъ съ радостію; Щелкунъ всталъ, и продолжалъ: «Ахъ, добрая демоазель Штальбаумъ, какія чудесныя вещи показаль бы я вамъ, если бы вы сдѣлали милость, пошли со мною. —

Пойдемте, сударыня, пожалуйста пойдете!» —

ЦАРСТВО КУКОЛЬ.

Я думаю, никто изъ васъ, любезныя дѣти, ни на минуту не задумался бы, слѣдовать ли ему за честнымъ, добрымъ Грызуномъ, который никогда не замышлялъ ничего дурнаго. Марія пошла за нимъ тѣмъ охотнѣе, что знала какой благодарности можетъ ожидать отъ него, и была увѣрена, что онъ сдержитъ

свое слово, и покажетъ ей много прекраснаго. По этому она сказала: «Я пойду съ вами, г: Дроссельмейеръ, только не водите меня слишкомъ далеко и долго, потому что я еще не выспалась.» — «Для этаго я выбираю,» отвѣчалъ Грызунъ, «самую близкую, хотя нѣсколько трудную дорогу.» Онъ пошелъ впередъ, и остановился въ сѣняхъ передъ большимъ платянымъ шкапомъ. Къ удивленію своему Марія замѣтила, что двери этаго шкапа, который обыкновенно плотно запирался, стояли настежь, такъ что она ясно увидѣла отцову дорож-

ную лисью шубу, которая висѣла впереди. Щелкунъ полезъ очень искусно вверху по шубѣ, и такимъ образомъ достигъ до большой кисти, которая висѣла назади на толстомъ спуркѣ. Грызунъ потянулъ сильно за кисть, и въ ту же минуту спустилась изъ рукава красивая лѣстница изъ кедроваго дерева. «Потрудитесь войти сударыня,» сказалъ Щелкунъ. Марія пошла по лѣстницѣ; но лишь только прошла она сквозь рукавъ, и выглянула на воротникъ, какъ ее озарилъ ослѣпительный блескъ: она очутилась вдругъ на прекрасномъ, бла-

гоухающемъ лугѣ, на которомъ сверкали милліоны искръ, какъ драгоценные камни. — «Мы находимся на леденцовомъ полѣ,» сказала Грызунъ, «но поспѣшимъ пройти въ тѣ ворота.» Марія взглянула, и увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою прекрасныя ворота. Они, казалось, были выстроены изъ мрамора съ бѣлыми, коричневыми и похожими на изюмъ крапинами; но когда Марія подошла ближе, то ясно увидѣла, что они состояли изъ спеченыхъ вмѣстѣ сладкаго миндаля и изюму, почему и назывались, какъ увѣрялъ Щелкунъ, мин-

дальними и изюмными воротами. На выступавшей галлереѣ этихъ воротъ, шесть обезьянъ, одѣтыхъ въ красныя курти играли на духовыхъ инструментахъ такъ хорошо, что Марія не замѣчала, какъ она шла по пестрымъ, сахарнымъ плитамъ. Вскорѣ она услышала пріятнѣйшій запахъ, выходившій изъ чудеснаго лѣсочка, который былъ по обѣимъ ея сторонамъ. Въ густой зелени блестѣли золотыя и серебряныя плоды, висѣвшіе на пестрыхъ стелькахъ; стволы и вѣтви деревьевъ были украшены вѣнками. Запахъ отъ померанцо-

выхъ деревьевъ вѣяль на нее подобно зефиру; въ вѣтвяхъ и листьяхъ раздавался шелестъ; сусальное золото звучало какъ веселая музыка, подъ которую прыгали маленькіе огоньки. «Ахъ, какъ здѣсь хорошо!» вскричала Марія въ восторгъ. «Въ этомъ лѣсу растутъ елки, которыми дарятъ дѣтей наканунѣ Рождества,» сказалъ Щелкунчикъ. «Ахъ!» продолжала Марія, «еслибы я могла здѣсь хоть недолго побыть: здѣсь такъ хорошо!» Щелкунъ ударилъ въ ладони: явились маленькіе пастухи и пастушки, охотники, которые были такъ

нѣжны и бѣлы, какъ будто сдѣланные изъ чистаго сахара. Они принесли прекрасныя золотыя кресла, положили на нихъ бѣлую подушку, и очень вѣжливо пригласили Марію сѣсть на нее. Лишь только она успѣла это сдѣлать, пастухи начали танцовать съ пастушками очень милый балетъ, а охотники искусно трубили; послѣ того всѣ они скрылись въ кустахъ. «Извините, сударыня,» говорилъ Грызунъ, «что танецъ былъ такъ плохъ: эти люди принадлежать къ нашему проводочному балету, и могутъ танцовать только одинъ танецъ!

Однако не угодно ли вамъ пожаловать подалѣе!» «Ахъ! все это было очень мило, и мнѣ очень понравилось,» говорила Марія, вставая и слѣдуя за Щелкуномъ. Они шли вдоль ручья, который пріятно журчалъ, и изъ котораго, казалось выходилъ чудесный запахъ, распространившійся по всему лѣсу. «Это померанцовый ручей,» сказала Щелкунъ; «кромѣ пріятнаго запаха ничѣмъ не похожъ онъ, ни величиною, ни красотою, на лимонадную рѣку, которая также впадаетъ въ озеро миндального молока.» Въ самомъ дѣлѣ скоро послышалось бо-

лѣе громкое плесканье и Марія увидѣла широкую лимонадную рѣку, которая гордо извивалась между кустарниками. Отъ этой рѣки вѣяло пріятною прохладою. Недалеко оттуда медленно текла темно-желтая вода, которая распространяла однакожъ необыкновенно сладкій запахъ; на берегу ея сидѣло множество прекрасныхъ дѣтей; они ловили маленькихъ, толстенькихъ рыбокъ, которыхъ тотчасъ же и ѣли. Подошедши ближе, Марія замѣтила, что эти рыбки были очень похожи на тѣ пряничныя рыбки, которыхъ ей покупали. Нѣсколько

подалѣе на этой рѣки лежала премиленькая деревенька; избы, амбары, риги—все въ ней было коричневаго цвѣта и покрыто золотомъ; а многія стѣны такъ странно расписаны, какъ будто на нихъ были налѣплены цукаты и миндалины. «Это село пряничное,» сказала Грызунъ; «оно лежитъ на медовой рѣкѣ; въ немъ живутъ по большей части прекрасные люди; но у нихъ часто болятъ зубы. И въ то же время Марія замѣтила очень красивый городокъ, состоявшій весь изъ пестрыхъ, прозрачныхъ домиковъ. Грызунъ шелъ прямо

къ нему; Марія услышала веселый шумъ и увидѣла, что тысячи крошечныхъ человѣчковъ хотѣли осмотрѣть и разгрузить множество возовъ, стоявшихъ на площади. То, что они вынимали оттуда, похоже было на пеструю бумагу и шоколадныя плитки. «Мы въ конфектномъ городѣ,» сказалъ Грызунъ, сейчасъ прибыло сюда посольство изъ бумажнаго царства и отъ шоколаднаго короля. Бѣднымъ жителямъ конфектнаго царства угрожала не давно армія адмирала комаровъ; по этому они оклеиваютъ свои дома произведеніями бумажнаго

царства, и строить укрѣпленія изъ твердыхъ плитокъ, которыя прислалъ имъ шоколадный король. Но мы не будемъ осматривать всѣ маленькіе города и деревни этаго государства, а отправимся прямо въ столицу.» Шелкунъ спѣшилъ впередъ; а за нимъ Марія, съ любопытствомъ. Вскорѣ послышался чудесный запахъ розъ, и все представлялось имъ въ розовомъ свѣтѣ. Марія замѣтила, что это было отраженіе розовой воды, которая плескала серебрястыми волнами, и издавала прелестные звуки. Въ этой водѣ плавали прекрасные, бѣлые какъ

серебро лебеди съ золотыми ошейниками, и пѣли превосходнѣйшія пѣсни, при чемъ рѣзвились и прыгали брилльянтовыя рыбки. «Ахъ!» вскричала Марія въ восторгъ, «вотъ озеро, которое когда-то хотѣлъ мнѣ сдѣлать крестный папенька Дроссельмейеръ, а я сама — та дѣвушка, которая ласкаетъ лебедей.» Щелкунчикъ такъ насмѣшливо улыбнулся, какъ Марія никогда еще не видала, и потомъ сказалъ: «Этого дядюшка никогда не можетъ сдѣлать: скорѣе сами вы сдѣлаете, милая демоазель Штальбаумъ. Но перестанете объ этомъ говорить, луч-

ше переѣдемте чрезъ розовое озеро въ столицу.

СТОЛИЦА.

Щелкунчикъ ударилъ снова въ ладони: розовое озеро начало сильнѣе волноваться, и Марія увидѣла, что издали приближалась брильянтовая колесница, которую везли два дельфина съ золотыми чешуями. Двѣнадцать прекрасныхъ маленькихъ арайчиковъ въ шапочкахъ и передничкахъ, сотканыхъ изъ блестящихъ перьевъ колибри, выскочили

на берегъ, и перенесли сначала Марію, а потомъ и Грызуна въ колесницу, которая тотчасъ же и двинулась по волнамъ. Ахъ! какъ хорошо было Маріи ѣхать на раковинѣ, окруженной ароматическимъ запахомъ розъ и розовыми волнами. Оба дельфина съ золотою чешуей подняли свои хребты, и пустили вверхъ кристальную струю воды. Когда струя эта падала дугою, то Маріи казалось будто два тоненькіе серебряные голоса пѣли: «Кто плыветъ по розовому озеру? Фея! — бимъ, бимъ рыбки, — зимъ, зимъ лебеди, — золотая птичка,

тра ра—пойте, пойте, пойте, плыветъ Фея,—розовыя волны, катитесь, катитесь, веселѣе!» Но казалось, что это пѣніе воды очень не нравилось двѣнадцати маленькимъ арапамъ, которые стояли позади колесницы, потому что они сильно трясли зонтиками, изъ финиковыхъ листьевъ, били ногами очень странный тактъ, и пѣли: «Клапъ, клипъ, клипъ, клапъ.» «Ужасно веселый народъ эти арапы,» сказала Грызунъ нѣсколько смутившись, «пожалуй они взволнуютъ все озеро.» Въ самомъ дѣлѣ скоро послышался смѣшанный звукъ чу-

десныхъ голосовъ, которые раздавались въ озеръ и воздухъ. Но Марія не обращала на то вниманія; а смотрѣла въ благоухающія розовыя волны, въ которыхъ видѣла лицо прекрасной дѣвушки. «Ахъ!» вскричала она съ радостію, «посмотрите-ка любезный г. Дроссельмейеръ, тамъ принцесса Пирлипата: она мнѣ такъ пріятно улыбается. Посмотрите же г. Дроссельмейеръ!» Но Грызунъ отвѣчалъ ей: «Нѣтъ демоазель Штальбаумъ, это не принцесса Пирлипата: это вы сами, это вы улыбаетесь.» При этихъ словахъ Марія проворно отвер-

жулась, и закрыла глаза: ей стало очень стыдно. Въ ту же самую минуту подняли ее двѣнадцать араповъ, и высадили изъ колесницы на берегъ. Они находились въ небольшой рощицѣ, которая была почти лучше того лѣса, гдѣ растутъ рождественскія елки: такъ въ немъ все блистало и свѣтилось; но удивительнѣе всего были плоды, висѣвшіе на деревьяхъ: они были не только страннаго цвѣта, но и имѣли особенный запахъ. «Мы въ конфектной рощѣ,» сказалъ Грызунъ, «а вонъ тамъ и столица.» Что тогда увидѣла Марія? Какъ описать мнѣ вамъ,

милая дѣти, красоту и великолѣпнѣе главнаго города, который представился взорамъ Маріи на цвѣтистомъ лугу. Кромѣ того, что стѣна и ворота блистали чудеснѣйшими красками, самыя зданія не были похожи, по своей формѣ, на тѣ, которыя находятся на землѣ: вмѣсто кровель на домахъ были красиво сплетенныя вѣнки; а башни украшены предестнѣйшею зеленью, какую только можно себѣ представить. Когда они проходили въ ворота, которые казались построенными изъ цукать и обсахаренныхъ плодовъ, то серебряные солда-

тики сдѣлали имъ на карауль, а человекъ въ парчевомъ халатѣ бросился Щелкуну на шею, говоря: «Добро пожаловать, любезный принцъ,-- добро пожаловать въ конфектномъ городѣ. »Марія не мало удивилась, слыша, что такой знатный человекъ называетъ Грызуна принцемъ. Между тѣмъ она услышала столько тоненькихъ голосковъ, такое веселіе и смѣхъ, такую музыку и пѣнье, что не могла думать ни о чемъ другомъ; но тотчасъ же спросила Грызуна, что бы это значило. «Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, мадемоазель Штальбаумъ, » от-

въчалъ Щелкунъ. «Конфект-
ный городокъ многолюденъ и
весель: въ немъ всякій день
такой шумъ. Не угодно ли
вамъ пожаловать далѣе?» Сдѣ-
лавши нѣсколько шаговъ, вы-
шли они на большую площадь,
которая имѣла великолѣпнѣй-
шій видъ. Всѣ окружающіе ее
дома были сахарные, одна гал-
лерейя возвышалась надъ дру-
гою, по срединѣ стоялъ вы-
сокій, покрытый сахаромъ пи-
рогъ въ видѣ обелиска; а во-
кругъ него били очень ис-
кусно - устроенные фонтаны
изъ оржата, лимонада и дру-
гихъ напитковъ: въ резерву-
арѣ находился кремъ, котора-

то такъ и хотѣлось покушать. Но лучше всего были чудесные человѣчки, которые толпились тысячами, смѣялись, шутили и пѣли, короче, поднимали тотъ веселый шумъ, который Марія слышала уже издали. Тамъ были прекрасно одѣтые кавалеры и дамы, Армяне и Греки, Жиды и Тирольцы, офицеры и солдаты, настухи и паяцы, однимъ словомъ всевозможные люди, какіе только находятся на землѣ. Вдругъ въ одномъ углу площади суматоха сдѣлалась болѣе, народъ разступился: тамъ несли великаго Могола въ наланкинѣ, въ сопровожденіи

девятиста трехъ вельможъ и семи сотъ невольниковъ. Случилось также, что съ другой стороны показалось торжественное шествіе рыбаковъ, которыхъ было до пяти сотъ человѣкъ. Къ умноженію тѣсноты служило также, что въ то же время турецкій султанъ вздумалъ выѣхать прокататься на площади съ тремя тысячами Янычаръ; и ко всему этому присоединилось шествіе къ жертвоприношенію съ музыкою и пѣніемъ. Тутъ-то была давка, тѣснота и шумъ! Скоро раздались и болѣзненные крики: одинъ рыбакъ въ тѣснотѣ отбилъ голову бра-

мину; самаго великаго Могола чуть не задавилъ паяцъ. Шумъ становился громче и громче; начали даже и поколачивать другъ друга; но человѣкъ въ парчевомъ халатѣ влѣзъ на пирамидальный пирогъ, и ударивши три раза въ звонкій колоколь, три раза громко прокричалъ: «Кандитеръ! кандитеръ! кандитеръ!» Суматоха тотчасъ утихла; каждый старался выпутаться какъ могъ, и прежній веселый говоръ раздался снова, лишь только разошлись смѣшавшіяся толпы: запачканный Моголь былъ вычищенъ; а брамину приставлена голова. «Г. Дрос-

сельмейеръ, что такое значитъ кандитеръ?» спросила Марія! «Милая демоазель Штальбаумъ,» отвѣчалъ ей Грызунъ, «кандитеромъ называется здѣсь неизвѣстная, но очень страшная сила, которая можетъ изъ человѣка сдѣлать все, что ей угодно; она управляетъ этимъ маленькимъ веселымъ народомъ, который такъ ея боится, что величайшій шумъ можно утишить, назвавъ ея имя: это сейчасъ доказалъ г. бургомистръ. Марія не могла удержаться, чтобъ не вскрикнуть отъ удивленія, увидѣвъ замокъ со множествомъ легкихъ баше-

жокъ, который издавалъ розовый блескъ. Богатые букеты фіялокъ, нарциссовъ, тюльпановъ, левкоевъ видны были тамъ и сямъ на стѣнкахъ, которыхъ темный цвѣтъ болѣе выказывалъ бѣлизну грунта, имѣвшую розовый отливъ. Большой куполь средняго зданія, и пирамидальныя крыши башенъ были усыпаны блестящими серебряными и золотыми звѣздами. «Предъ нами миндальный замѣкъ,» сказалъ Щелкунъ. Марія внимательно разсматривала волшебный дворецъ и замѣтила, что на одной башнѣ вовсе не было крыши: ее поправляли маленькіе че-

ловѣчки, которые стояли на подмосткахъ изъ палочекъ корицы. Она еще не успѣла разспросить объ нихъ Грызуна, какъ онъ сказалъ: «Недавно этому замку угрожало опустошеніе или даже совершенное разрушеніе. Великанъ Лаккомка проходилъ поздѣшнимъ мѣстамъ; онъ проворно откусилъ крышку той башни, и началъ уже грызть куполь: но жители конфектнаго города поднесли ему цѣлый кварталъ вмѣстѣ съ значительною частію конфектной роши; онъ былъ очень доволенъ этимъ, и отправился далѣе. «Въ ту самую минуту раздалась при-

ятная музыка. Ворота замка растворились: изъ нихъ вышло двѣнадцать маленькихъ пажей съ зажженными стельками гвоздики вмѣсто факеловъ. Головы ихъ были жемчужины, а тѣла изъ яхонтовъ и изумрудовъ; ходили же они на ножкахъ, очень красиво выточенныхъ изъ золота. За ними слѣдовали четыре дамы, почти одного росту съ куклой Кларой, но такъ ужасно разряженныя, что Марія сейчасъ же узнала въ нихъ принцессъ. Онѣ очень нѣжно обняли Щелкуна, и съ радостію сказали ему:» Ахъ принцъ! милый братецъ!» Гры-

зунь казался очень растроганнымъ; онъ утираль слезы; потомъ взялъ Марію за руку, и сказалъ съ чувствомъ: «Это мадемоазель Марія Штальбаумъ, дочь весьма почтеннаго совѣтника Медицины и спасительница моей жизни! Еслибъ она не бросила въ надлежащее время свой башмакъ, и если бы не достала мнѣ сабли отставнаго полковника, то я лежалъ бы давно въ могилѣ, изгрызенный проклятымъ мышиннымъ царькомъ. Послѣ всего этого можно ли сравнить демазель Штальбаумъ съ Пирлицатою, хотя та и родилась принцес-

сою? Нѣтъ, говорю я, нѣтъ!»
Всѣ дамы повторили: «нѣтъ!»
и со слезами бросились об-
нимать Марию, говоря: — «О
великодушная спасительница
нашего любезнаго брата, не-
сравненная демоазель Шталь-
баумъ!» Дамы повели Марию
и Щелкуна во внутренность
дворца, и именно въ тотъ
залъ, котораго стѣны состояли
изъ блестящихъ кристалловъ.
Марии болѣе всего понрави-
лось, что кругомъ зала сто-
яли прекраснѣйшіе маленькіе
стульчики, коммодики, бюро
и проч., которые всѣ были
сдѣланы изъ кедроваго и крас-
наго дерева, и усыпаны зо-

лотыми цвѣточками. Принцессы просили Марію и Грызуна сѣсть, и сказали, что они сейчасъ приготовятъ обѣдь. Онѣ вынули множество маленькихъ горшечковъ и блюдечекъ изъ превосходнаго японскаго фарфора, ложекъ, ножей и вилокъ, терокъ, кастрюль и другой кухонной посуды изъ золота и серебра. Потомъ принесли прекраснѣйшіе плоды и конфекты, какихъ Марія и не видывала, и начали своими бѣлоснѣжными ручками выжимать плоды, толочь приправы, тереть миндаль; однимъ словомъ онѣ такъ хозяйничали, что Марія ясно увидѣла,

какъ хорошо онѣ знаютъ поваренную науку, и какой будетъ отличный обѣдъ. Она чувствовала, что сама превосходно знаетъ эту часть, и потому втайнѣ желала помочь принцессамъ. Прекраснѣйшая изъ сестеръ Грызуна, какъ будто угадавъ тайное желаніе Маріи, подала ей маленькую золотую ступочку, и сказала: «Милая подруга, спасительница моего брата, истолкните не много этаго леденца!» Между тѣмъ какъ Марія весело толкла въ ступкѣ, которая мило и пріятно звѣнѣла, Щелкунъ началъ подробно рассказывать, какъ происхо-

дило ужасное сраженіе его арміи съ арміею царька мышей; какъ онъ былъ побѣжденъ по причинѣ трусости своихъ войскъ; какъ потомъ гадкій царекъ мышей хотѣлъ непременно его сгрызть, а Марія должна была пожертвовать за него многими изъ его подданныхъ, которые находились у нея въ службѣ, и проч. Во время этаго разсказа Маріи казалось будто его слова, и даже самые удары пестика все удалялись и становились невнятиѣ; вскорѣ показалось ей, что поднимались тонкія облака какъ серебряный флеръ, въ которомъ скрывались при-

щессы, — пажи, — Шелкунъ, —
даже она сама; послышалось
странное пѣніе и жужжаніе,
которое несло въ даль; Марія
поднималась какъ бы на вол-
нахъ все выше и выше, выше
и выше, выше и выше. . . .

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прррръ — пуфъ! Марія упа-
ла съ неизмѣримой высоты.
То-то былъ толчекъ! Она от-
крыла глаза, и увидѣла, —
что лежитъ въ своей постели;
на дворъ было свѣтло; мать

стояла возлѣ нея, и говорила: «Ну какъ можно такъ долго спать; завтракъ давно поданъ!» Вы вѣрно догадываетесь, почтенные читатели, что Марія, изумленная чудесами, которыя видѣла, уснула въ залѣ миндальнаго дворца, и что арапы или пажы, а можетъ быть и сами принцессы перенесли ее домой, и уложили въ постель. «Ахъ, маменька, милая маменька! куда меня водилъ молодой г. Дроссельмейеръ сегодня ночью, и какія прелести я видѣла!» Тутъ она разсказала все то, что я вамъ сейчасъ описалъ; а мать смотрѣла съ

большимъ удивленіемъ. Когда Марія окончила, мать сказала: « Ты видѣла все то во снѣ, любезная Марія; но выкинь этотъ вздоръ изъ головы.» Марія увѣряла, что это случилось съ нею на яву: тогда мать подвела ее къ шкапу, вынула Щелкуна, который стоялъ по обыкновенію на третьей полкѣ, и сказала: « Какъ можешь ты, глупая дѣвочка, думать, будто эта Нюрнбергская деревянная кукла живая.» — «Милая маменька.» прервала ее Марія, «вѣдь я знаю, что маленькій Щелкунъ ни кто другой, какъ г. Дроссельмейеръ изъ Нюри-

Берга, племянникъ крестнаго папеньки.» Тутъ оба, совѣтникъ Медицины и супруга его, покатились со смѣху. «Ахъ,» продолжала Марія почти въ слезахъ, «вы смѣтаетесь надъ моимъ Щелкуномъ, любезный папенька; а онъ такъ хорошо про васъ говорилъ, когда мы были въ миндальномъ дворцѣ, и когда онъ представилъ меня своимъ сестрамъ, принцессамъ: онъ называлъ васъ весьма почтеннымъ совѣтникомъ Медицины!» Хохотъ увеличился, даже Луиза и Фрицъ смѣялись. Тогда Марія побѣжала въ другую комнату, вынула проворно

изъ своего ящика семь коронокъ царька мышей, и подала ихъ матери, говоря: «Посмотрите, любезная маменька, вотъ семь коронокъ царька мышей, которыя отдалъ мнѣ въ прошедшую ночь молодой, гнѣ Дроссельмейеръ, въ знакъ своей побѣды.» Съ удивленіемъ разсматривала совѣтница Медицины маленькія коронки, которыя были сдѣланы изъ неизвѣстнаго, очень блестящаго металла такъ хорошо, какъ будто ихъ дѣлами не человѣческія руки. Самъ совѣтникъ Медицины не могъ насмотрѣться на коронки, и оба, какъ отецъ такъ и мать,

енльно приступали къ Маріи, чтобы она призналась гдѣ взяла это? Но та не могла сказать имъ ничего болѣе того, что они уже знали. Когда же отецъ началъ страшать, и даже назвалъ ее лгуньей, то она горько заплакала, и говорила. «Ахъ! я бѣдная дѣвушка! что мнѣ сказать?» Въ ту самую минуту дверь растворилась, вошелъ совѣтникъ Юстиціи, и спросилъ: «Что это? что это! моя крестница плачетъ?» Совѣтникъ Медицины объяснилъ ему все что случилось, и показалъ коронки. Но лишь только увидѣлъ ихъ г. Дроссельмейеръ,

какъ онъ разсмѣялся, и вскричалъ: «Какой вздоръ? это тѣ самыя коронки, которыя я давно носилъ на часовой цѣпочкѣ, и которыя подарилъ въ день рожденія Маріи когда ей минуло два года. Развѣ вы это забыли?» Ни совѣтникъ Медицины, ни жена его, не могли того припомнить; но когда Марія замѣтила, что лица ея родителей прояснились, она прыгнула къ крестному отцу Дроссельмейеру, и вскричала: «Ты вѣдь все знаешь, крестный папенька; такъ скажи же самъ, не правда ли, что щелкунъ, твой племянникъ, молодой Дрос-

сельмейеръ изъ Нюрнберга, подарилъ мнѣ коронки?» Но совѣтникъ Юстиціи сдѣлалъ очень угрюмое лицо, и пробормоталъ: «Глупости, вздоръ!» После того совѣтникъ Медицины подвелъ къ себѣ свою дочь, и сказалъ ей серьезно: «Послушай, Марія, оставь этотъ вздоръ; если же ты еще скажешь, что глупый безобразный грызунъ орѣховъ племянникъ г. совѣтника Юстиціи, то я не только Щелкуна, но и всѣхъ твоихъ куколъ, неисключая и мадемоазель Клары, побросаю за окошко.» Разумѣется, что послѣ этаго бѣдная Марія не смѣла гово-

рить о томъ, о чемъ безпрестанно думала, потому что такихъ прекрасныхъ и чудесныхъ вещей, какія случились съ Марією нельзя легко забыть. Даже Фрицъ оборачивался къ сестрѣ спиною, когда она начинала разсказывать о царствѣ чудесъ, въ которомъ она была такъ счастлива; я слышалъ даже, будто онъ бормоталъ нѣсколько разъ сквозь зубы: «Глупяшка;» однако этому я не могу повѣрить, потому что онъ во многихъ случаяхъ оказалъ свой прекрасный нравъ. Достоверно, что онъ не вѣрилъ разсказамъ, Марія; извинился передъ своими гу-

сарамн въ оказанной имъ несправедливости; далъ имъ вмѣсто отнятыхъ султановъ другіе, гораздо выше, и позволилъ трубить лейбъ-гусарскій маршъ.

Вотъ вамъ и сказка про грызуна орѣховъ и царька мышей.

04K-59088

8 4

